ЕВГЕНИЙ "КРАЕВ" КОСТЮЧЕНКО

ШАЙЕНСКИЙ БЛЮЗ

18+

Евгений "Краев" Костюченко

Шайенский блюз

«Автор»
2026

"Краев" Костюченко Е.

Шайенский блюз / Е. "Краев" Костюченко — «Автор», 2026

Неожиданная встреча на Пулковском шоссе закончилась тем, что Степан Гончар оказался на Диком Западе. Он не пропал в чужом враждебном мире, потому что быстро усвоил его правила. Если ты отвечаешь за свои слова, тебя уважают и белые, и индейцы. Если бьешь без промаха и не боишься смерти, тебя уважают уцелевшие враги.Но на просторах прерий появились новые хозяева жизни, с туго набитым кошельком.... "Если закон против меня, то тем хуже для закона", решил Степан Гончар.

© "Краев" Костюченко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Евгений «Краев» Костюченко 5
Часть 1. Бизнесмен 6
1. Кто обует Маршал-Сити? 6
2. Жених вне закона 9
3. ООО «Дороги Вайоминга» 15
4. Русские идут! 19
5. Капкан для охотника 23
6. Ожидание доктора Фарбера 26
7. Рука и сердце 30
8. Земли неубитых индейцев 33
9. Поправка к жизненным планам 39
10. В могиле 43
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Евгений "Краев" Костюченко
Шайенский блюз

Евгений «Краев» Костюченко

ШАЙЕНСКИЙ БЛЮЗ

Часть 1. Бизнесмен

1. Кто обует Маршал-Сити?

7 сентября 1857 года отряд мормонов под командованием старейшины Джона Дойла Ли напал на караван эмигрантов, пытавшихся добраться до Калифорнии через Юту. Переселенцев заставили разоружиться, а затем расстреляли всех, кроме самых маленьких детей. Мормоны убили сто двадцать человек.

Спустя двадцать лет старейшина Джон Дойл Ли предстал перед судом. Его признали виновным в убийстве первой категории, и 23 марта 1877 года он был расстрелян на том самом месте, где напал на караван.

Об этом интересном факте Степан Гончар узнал совершенно случайно, когда забрел на публичную лекцию. Заезжий ученый муж поведал и о других, не менее примечательных доказательствах неизбежного торжества Закона, но Степана больше всего задела судьба мормонского полевого командира.

Как жил старейшина Ли эти двадцать лет между преступлением и наказанием? Прятался среди своих или бежал в чужие края? Надеялся на истечение срока давности или на то, что война все спишет? Как бы там ни было, а правосудие совершилось. Но это не могло обрадовать Степана.

Он вернулся в гостиницу, заперся в номере и выложил на стол револьверы. Ежедневную чистку и смазку оружия Степан завершал часовой тренировкой. Держа в каждой руке по кольту, он шагал из угла в угол и расстреливал лепестки золотых лилий, которыми были щедро усеяны обои. К счастью для его соседей, он никогда не забывал предварительно освободить барабаны от патронов. Шесть «выстрелов» с левой руки, шесть с правой, револьверы по карманам. Снова выхватить, и снова по шесть раз нажать на спусковой крючок.

Кольты были легкие, двадцать второго калибра, но все равно запястья скоро начали ныть, а пальцы потеряли чувствительность. «Как вел себя мормон Ли, когда его брали? – подумал Степан, чтобы отвлечься от неприятных ощущений. – Смиренно и кротко протянул руки под кандалы? Упал на колени? Или выхватил оружие? В любом случае, он проиграл. Надо учесть его печальный опыт».

Он взял кольт за ствол и протянул его невидимому блюстителю закона. «Хотите забрать мое оружие? Извольте, сэр». Однажды Гончар видел, каким полезным может оказаться этот трюк. Ему понадобились долгие часы упражнений, чтобы раскусить, в чем секрет. Подавая револьвер рукояткой к противнику, надо держаться не за ствол. Кисть охватывает барабан, указательный палец на виду, он находится у рукоятки. А вот средний палец, согнутый, спрятан в спусковой скобе. Раз! Кольт вращается вокруг среднего пальца. Ствол направлен на противника. Рукоятка смотрит вверх, но это неважно. Важно, что ты можешь нажать на спуск даже в таком положении, а с расстояния вытянутой руки - не промахнешься.

Закончив тренировку, Степан спустился вниз и занял место на террасе, рядом с другими горожанами, ожидающими прибытия почтового дилижанса. По его расчетам, Эрни О'Хара должен был приехать еще два дня назад, но ирландец почему-то задерживался. Степан решил отправить ему еще одну телеграмму, если он и сегодня не появится. Ему - и Мартину Китсу, который, в отличие от тугодума Эрни, сразу догадается, кто скрывается за подписью «Такер».

Еще и еще раз он мысленно перечитал сообщение, отправленное домой, в Верхний Эшфорд, неделю назад. «*Партия голландской обуви доставлена в Маршал-Сити, Вайоминг. Представитель компании «Майвис» ждет вас в отеле Хилтона. Такер*». В тексте содержались

две подсказки для Эрни. Во-первых, он называл Степана голландцем, в во-вторых, легко мог бы вспомнить, кто ходил охотиться на бизонов в компании шайена Майвиса. Телеграмма абсолютно понятна. Чего же он медлит?

Шум подъезжающего дилижанса заставил Степана приподнять поля шляпы, надвинутой на нос. Шестерка лошадей остановилась на городской площади, окутываясь облаком пыли. Двое охранников в длинных плащах спрыгнули на землю, бряцая оружием, и сразу же направились к отелю, продолжая спор, начатый, очевидно, миль тридцать назад: «Каким напитком лучше освежиться с дороги - пинтой пива или бокалом мятного коктейля?».

Пассажиры уже отвязали свои чемоданы, притороченные к задку кареты, когда из дилижанса, наконец, выглянуло настороженное лицо Эрни. Ирландец оглядел площадь, и что-то спросил у кучера. Тот показал кнутом в сторону гостиницы.

«Он не изменился, - подумал Гончар. – Только О'Хара будет спрашивать дорогу к отелю, находясь в двадцати шагах от него». Он снова опустил шляпу, прикрывая лицо, и позволил Эрни пройти мимо него в холл. Затем, выждав с полминуты, зашел следом.

Ирландец стоял у стойки администратора, вытирая лоб платком.

- Мистер Такер? – переспросил клерк. – Да вот же он, позади вас.

- Вы прибыли из Эшфорда? – Степан быстро подал руку. – Разрешите представиться. Стивен Такер, компания «Майвис», Нью-Йорк. Позвольте, я проведу вас к себе, вам явно не терпится ознакомиться с образцами нашей продукции.

Он первым зашагал по лестнице, не дав Эрни опомниться. Прежде чем закрыть за собой дверь, Степан огляделся и прислушался. Два соседних номера пустовали, и по лестнице никто не поднимался. Видимо, ни один из приехавших пассажиров не надумал остановиться в дорогом отеле Бенджамина Хилтона.

- Стиви, как я рад тебя видеть, - сказал ирландец, осторожно опускаясь в огромное плюшевое кресло, которое сразу перестало казаться огромным. – Ты шикарно устроился. Но почему здесь? И где Харви? И, черт побери, почему ты сменил вывеску? Задал мне такую головоломку!

- У меня еще будет время рассказать тебе все по порядку. – Степан плеснул виски в два стаканчика. – Давай выпьем за встречу. Не поверишь, я два месяца даже не прикасался к бутылке. Мне сейчас приходится быть осторожным. Штат Колорадо обвиняет Стивена Питерса в двойном убийстве.

- Не могу поверить, - Эрни застыл со стаканом у рта.

- И правильно. Не верь. Это клевета насчет двойного убийства. Потому что оно было тройным. Будь здоров.

Они выпили за встречу, и Гончар рассказал о том, чем закончилась экспедиция профессора Фарбера. Афера с несуществующими алмазными россыпями была разоблачена, Фредерик Штерн был уличен в предательстве, а жулика Даунвуда в кандалах отправили в Чикаго, где он, по всей видимости, проведет остаток жизни в долговой яме.

- Выпьем за торжество справедливости, - предложил Эрни.

- Выпьем. Хотя еще надо бы выяснить, что такое справедливость, - согласился Гончар и продолжил рассказ.

Степан поведал другу о славной смерти Харви Дрейка, и они подняли за него третий тост, безмолвный. После чего бутылка была надежно закупорена и спрятана. Время для воспоминаний было исчерпано, начинался деловой разговор.

- Когда меня подстрелили, я свалился с поезда, - начал Степан. – Долго зализывал раны. Слишком долго. Не знал, стоит ли еще цепляться за жизнь. Но, наверно, мое время еще не пришло, и я понемногу очухался.

- Где ты жил, пока лечился?

- У Фарберов. Пока искал их в городе, еще как-то держался. Но как только вошел в дом, сел за стол – и поплыл. В общем, очнулся через две недели.

- Это ты в горячке до них дошел, - уверенно заявил Эрни. – Такое случается иногда. Я сам знал ковбоя, которого прострелили насквозь в пяти местах. Он два дня скакал до ранчо, и когда свалился с седла у своего порога, в нем не было ни капельки крови. Он был белый и грязный, как мраморные статуи на вокзале в Чикаго. Ну, а дальше?

- А дальше началось самое интересное, - усмехнулся Степан. – Первое, что я увидел в Денвере, когда смог выйти на улицу – это моя собственная физиономия. Зашел в аптеку, а там плакат. Разыскивается живой или мертвый Стивен Питерс. Двойное убийство. Премия тысяча долларов. Портрет грубоватый, но весьма достоверный. Как я позже выяснил, рисовал сам Штерн. По памяти.

- Откуда ты знаешь?

- От профессора. Штерн дает показания по делу Даунвуда. Он свидетель, а я – соучастник шайки. Шериф Юдл, оказывается, пытался задержать Даунвуда, а я ему воспрепятствовал. То есть застрелил.

- Как ты сказал? Юдл? Не родственник того Юдла, что орудовал в Дакоте?

- Ну да. Это был такой семейный бизнес. Трое братцев из шести устроились шерифами в соседних округах, трое других пользовались их прикрытием. Железная дорога давала им хорошую прибавку к жалованью, хотя и не проходила по их земле. Они всегда имели точную информацию о перевозках, и грабили только самые жирные поезда. Естественно, в их собственных округах царил идеальный порядок. И вот такого образцового служителя закона сразила пуля бродяги из Небраски. Однако судья в Колорадо не всех сосчитал. Одного-то Юдла я уложил при свидетелях в поезде. Второй погиб на глазах Штерна в Каньоне Семи Озер. Честно говоря, не от моей пули, но это дела не меняет.

- Два трупа, и оба законники, - покачал головой Эрни. – Тебя ждут две виселицы.

- Ты научился быстро считать. Но тогда уж добавь и третью виселицу, потому что еще одного Юдла я завалил из «спрингфилда» примерно с трехсот шагов. Ты о нем должен помнить. Это был Остин Юдл.

Ирландец недоверчиво прищурил один глаз, словно рассматривал сомнительную банкноту.

- Ты убил Остина? С трехсот шагов? На таком расстоянии нельзя быть уверенным, что…

- Мне помогла река, - сказал Гончар. – Она принесла труп к моим ногам. Кстати, о реке. Как там поживает наша пристань? И вообще, ты готов отчитаться по заданиям, которые я тебе поручил перед отъездом?

- Что? – Ирландец изумленно уставился на Степана. – Отчитаться? Стиви, сейчас у меня голова забита совсем другими мыслями. Можно подумать, это я стою под петлей, а не ты.

- Не вижу никакой петли. Мистер Такер прибыл в Маршал-Сити с прекрасными рекомендациями от профессора Фарбера и судьи Томсона. Я здесь на хорошем счету. Уже присмотрелся. Подружился с отцами города. Собираюсь открыть обувной магазин. И мне не помешают несколько тысчонок, которые ты мог бы привезти в следующий раз. Но пока ответь, как дела в Эшфорде?

- Дела идут, как по маслу, - доложил О'Хара. - Пристань готова. На лесопилку поступило новое оборудование. Тебе все еще приходят телеграммы от нью-йоркских брокеров. Твои пацаны живут у Майвиса. На днях Пол завалил медведя, а Джефф целыми днями сидит на почте, все читает, и уже освоил телеграфный аппарат. Золотые мальчишки! Да, Стиви, я вспомнил. Вертелся какой-то скользкий тип, что-то вынюхивал насчет тебя. Теперь-то я понимаю, это был сыщик. Но что ты намерен делать?

- Торговать обувью. Я уже присмотрел помещение для магазина.

- Я не спрашиваю, чем ты будешь зарабатывать на жизнь. Я хочу знать, как ты собираешься спасти свою шкуру. Ведь они найдут тебя. Агентство Пинкертона выполняло и не такие сложные заказы. От них не спрячешься. Лучше бы тебе уехать подальше на Запад. В Оклахому. Или еще дальше, в Мексику. Все так делают, Стиви.

Степан Гончар похлопал друга по руке:

- Ты слово в слово повторяешь все то, что говорил мне судья Томсон. Он тоже советовал мне переждать в Мексике. Ему понадобится не меньше года, чтобы все уладить. Он заплатит нужным людям в Вашингтоне. Дело будет передано в федеральный суд, потому что афера затрагивала интересы тысяч вкладчиков со всей страны. На процессе вскроются новые обстоятельства, и с меня снимут все обвинения. Он даст мне телеграмму в Мексику прямо из зала суда.

- Ты ему веришь?

- А что мне остается? Банда братьев Юдл работала на Даунвуда. Судья уверен, что Юдл обязательно пристрелил бы и его, и профессора, чтобы они не разоблачили аферу. А я спас ему жизнь. Теперь он получил редкую возможность отплатить мне тем же. Это будет справедливо.

- Да, конечно. – О'Хара скептически хмыкнул. – Если только судья не забудет о тебе через год. Знаю я этих англичан. Хотя Томсон, похоже, дельный мужик, если советует тебе уехать в Мексику.

- Я бы уехал. Но кому я буду там продавать сапоги, штиблеты и мокасины? Миллионам босоногих оборванцев, у которых нет ни единого песо в кармане, да и карманов нет? Мой бизнес рухнет.

- К черту бизнес! – Эрни возмущенно привстал в кресле. – У тебя есть деньги! И я буду присылать тебе столько, сколько будет надо, чтобы спокойно жить без всякого бизнеса. Мы с тобой партнеры, и ты всегда будешь иметь свою долю прибыли! Стиви, тебе нельзя оставаться здесь! Из твоего окна я вижу здание суда в Денвере! И виселицу во дворе. Три виселицы! И это не считая охотников за твоим скальпом. Тысяча баксов на дороге не валяется, ты об этом подумал?

Гончару стало немного стыдно, что он заставил друга так волноваться.

- Хорошо, брат, - сказал он. – Как только я замечу слежку, все брошу и уеду отсюда. В Мексику, в Гондурас, в Бразилию. В любую страну, где есть американское посольство и приличный банк. И буду спокойно ждать, пока судья не уладит мое дело.

Эрни снова опустился в кресло и вытер раскрасневшееся лицо.

- Вот так-то лучше. Но послушай, а что ты будешь делать, если дело не выгорит? Так и будешь всю жизнь скрываться под чужим именем?

- А что такого? В конце концов, Такер звучит не хуже, чем Питерс, - сказал Степан Гончар.

2. Жених вне закона

Эрни был самым близким другом Степана, но и ему Гончар не мог рассказать о причине, которая удерживала его в опасной близости от здания денверского суда и всех его виселиц. Этой причине было шестнадцать лет, и звали ее Мелисса Фарбер.

Хорошо еще, что ирландцу было неизвестно, в каком доме поселились Фарберы. Тогда бы он точно не оставил Степана в покое, пока тот не пересек бы Рио-Гранде и не скрылся в мексиканских горах. Как нарочно, профессорская семья жила в пансионе как раз через дорогу от полицейского участка.

Выходя из пролетки, Гончар нарочно замешкался, расплачиваясь с извозчиком. Ему хотелось незаметно разглядеть, висит ли еще его портрет на стене участка. Оказалось, висит.

На самом видном месте. Слабым утешением могло служить только то, что на портрете Стивен Питерс был изображен без бороды, в шляпе с опущенными полями и в клетчатой рубашке с галстуком-шнурком. Таким запомнил его Фредерик Штерн. Возможно, сейчас он бы и не узнал своего спутника по экспедиции.

Гончар успел отрастить аккуратную бородку клинышком. В высоком цилиндре, в черном длинном сюртуке, под которым сиял алый шелковый жилет, он был похож на респектабельного юриста или профессионального картежника. Сегодня его пояс не оттягивал патронташ, и тяжелая кобура с неизменным кольтом не натирала его бедро. Нет, на этот раз он приехал в Денвер безоружным. Разве можно считать оружием миниатюрный «ремингтон» тридцать второго калибра, который к тому же покоился в элегантном саквояже?

Он прошелся вдоль невысокого забора, поигрывая тростью. Навстречу ему, с корзиной, полной зелени, шла Росита, служанка Фарберов. Она удивленно повернулась к нему, когда Степан приподнял свой цилиндр и поклонился.

- Чудесный день! Как поживаете?

- О, мистер… Мистер Такер, сэр! – Негритянка не сразу вспомнила новое имя Стивена Питерса.

- Вы не могли бы передать профессору Фарберу, что я собираюсь нанести ему визит? Мне надо уладить кое-какие дела в Денвере, и примерно через час я к вам загляну.

- Да, сэр. Конечно, сэр. – Росита наклонилась к корзинке, поправляя пучок лука, и произнесла, не шевеля губами: - Хозяйка сейчас дома, мистер Стивен, вам незачем болтаться целый час на улице. И маленькая хозяйка тоже дома. Они будут так рады, если вы зайдете прямо сейчас.

- Я пройду через сад, - так же тихо ответил Гончар.

Он и не собирался болтаться на улице. Полчаса ему пришлось провести в банке, еще минут двадцать ушли на посещение обувного магазина. Выяснив, сколько зарабатывают продавщицы, и какую обувь предпочитают покупатели, он спустился к реке и по набережной дошел до сада, который примыкал к особняку Фарберов.

Стоял конец октября, и сад был усеян золотыми и медными листьями. Шагая между черных стволов, Степан с наслаждением втягивал горьковатый воздух. «Настоящая золотая осень. Эх, как хорошо сейчас в Павловске», - подумал он и остановился.

Павловск? За годы, прошедшие в Америке, он впервые вспомнил о своем прошлом. Странно. Почему именно Павловск? В своей прежней жизни Степан Гончар любил посидеть в баре с друзьями, любил погонять на машине – но посещения парков вовсе не были его любимым занятием. «Старею», - подумал он, вороша тростью горку листьев.

За деревьями виднелся кирпичный особняк с портиком над белыми колоннами. Степан вышел к его заднему крыльцу, где на лужайке разместилась небольшая беседка и качели. Жильцы пансиона были, как правило, людьми семейными, и лужайка, видимо, предназначалась для детей. Но сейчас на качелях сидела Милли, наверняка считавшая себя очень взрослой.

Увидев Степана, она не перестала раскачиваться, а, наоборот, оттолкнулась ножкой от земли посильнее. Ее длинная зеленая юбка шуршала на лету, и черные волнистые волосы развевались, выбившись из-под шляпки.

- О, мистер Такер! – воскликнула она с насмешливой улыбкой. – Как поживаете, сударь? Извините, что не могу прервать свое очень важное занятие!

- Не стоит прерывать. Надеюсь, ваша матушка примет меня без доклада?

Она зацепилась носком за траву, чтобы остановить качели, и Гончар помог ей, схватившись за цепь.

- Нас никто не видит и не слышит, - сказала она. – Стивен, почему ты так долго не приходил? И что за козлиная борода? Ты стал похож на доктора.

- Не любишь врачей?

- Да кто их любит! Пойдем, мама тебя ждет. Нет, почему ты так долго не появлялся?

- Две недели – это не так и долго.

- Да? Шестнадцать с половиной суток – это не две недели! Я уже думала, что ты в Мексике. Возьми меня под руку. Не уезжай в Мексику, хорошо? Отец говорит, что ты мог бы купить там ранчо. Но это же так ужасно - провести всю жизнь среди скотины и кактусов! Так что не уезжай.

- Красивое у тебя платье, - сказал он, чтобы сменить болезненную тему.

- Ты тоже нарядился, как на прием к английской королеве. А я больше люблю походную одежду. Вообще мне по душе жизнь в поле. Я бы хотела всю жизнь провести с папой в экспедициях. Или, как ты, кочевать с шайенами.

- Вот этого не надо.

- Почему? Думаешь, я такая неженка? Думаешь, я слабее твоих подружек?

- Ты не слабее. Но кочевая жизнь хороша только летом. А когда наступает зима, лучше жить в городе.

- Ненавижу города. Тесно мне в городе. А тебе?

- Маршал-Сити – какой же это город. Две улицы, три дома. Да и Денверу еще далеко до настоящего города. Вот если бы мы жили в Чикаго, в Нью-Йорке…

- А там, откуда ты родом, - перебила Милли, - там есть большие города?

- Да, - коротко ответил Степан.

Он чуть было не принялся рассказывать ей о Петербурге и Москве, об Архангельске и Одессе…. Там, откуда он родом, осталось много чудесных городов, любимых городов. Гончар вдруг вспомнил, как в осеннем Тбилиси неспешный фуникулер вознес его на вершину Мтацминды, и как он спускался оттуда пешком, прикладываясь к бутылке белого вина. И тут же память перенесла его в Гавану, на самый последний этаж высотки «Капри», куда его вознес скоростной лифт, и откуда он тоже спускался пешком, три дня, застревая в барах и чужих номерах…. Воспоминания обожгли его, как вспышка близкого выстрела. «Да что это со мной сегодня?» – с тревогой подумал Степан.

Милли обиженно поджала губы. Но она еще не умела наказывать собеседника презрительным молчанием, и выдержала только три секунды.

- Ты скрытный, сухой и бессердечный, - сказала она. – Когда ты лежал в бреду, то говорил на нескольких языках. И рассказывал сказки. Ты был таким смешным… А теперь ты снова превратился в каменного рыцаря с железным сердцем. Но я хочу знать о тебе всё. Если ты мне не доверяешь, то кому тогда вообще можно доверять?

«Интересно, какие такие сказки я мог ей рассказывать, - подумал Степан. – Неужели про ковры-самолеты компании «Аэрофлот»? Или про волшебный ящик с живыми картинками и меняющимися цифрами, семнадцать дюймов по диагонали?»

- Я бы не приехал, если б не доверял тебе, - сказал он. - Потерпи немного, разбойница, скоро я раскрою все свои страшные тайны.

- Только не при маме, - шепнула Милли, поднимаясь на крыльцо.

Оливия Фарбер сидела у камина, ее ноги были укрыты пледом.

- Извините, Стивен, мне немного нездоровится, - улыбнулась она, откладывая книгу. – Ничего серьезного, неизбежное осеннее недомогание. Какой вы нарядный сегодня. Похоже, ваши дела продвигаются успешно?

- Вашими молитвами, - Гончар поклонился, пожимая протянутую ему горячую руку.

«А ведь у нее температура, - подумал он. – Дать бы ей сейчас аспирина. Только где ж его взять. В аптеке только хинин да микстуры от кашля».

- Леопольд очень хотел вас увидеть. Кажется, он придумал, каким образом вы сможете переждать неблагоприятные времена. Могу я вас спросить, Стивен, какими языками вы владеете?

Милли язвительно заметила:

- Спросить-то ты можешь, да только он не ответит. Таких скрытных типов я в жизни не встречала.

- В твоей жизни еще все впереди, - махнула рукой мать. – Что скажете, Стивен? Как у вас дела с немецким, французским, испанским? Может быть, знаете шведский или русский?

Гончар задумался.

- Раньше я довольно легко читал по-немецки. Но у меня уже давно не было практики. Испанский знаю только на бытовом уровне. То есть не умру с голоду в мексиканской харчевне. Русский? Да, немного знаю. Шведский? Даже не слышал никогда. Как видите, картина довольно безрадостная. Если профессор хочет пристроить меня переводчиком, то я – не самый перспективный кандидат.

- Отчего же? Откровенно говоря, я поначалу довольно скептически воспринимала эту идею, но сейчас она кажется мне вполне приемлемой. Но об этом после. Расскажите, как складываются ваши дела в Маршал-Сити?

Мелисса стояла за спиной матери, обняв ее за плечи, и Степан мог видеть одновременно обеих – и благосклонную улыбку профессорской жены, и насмешливый взгляд профессорской дочки. Он подробно рассказал, как отремонтировал помещение старой скобяной лавки и как устроил конкурс, подбирая продавцов и управляющего для обувного магазина. Самым трудным оказалось найти в городе хоть какого-нибудь художника, чтобы украсить магазин достойной вывеской и разместить по всему городу и на подъездных путях соответствующую рекламу. Оливию Фарбер очень удивило, каким высоким спросом пользовались среди жителей Маршал-Сити индейские мокасины, и тогда Степан пообещал в следующий раз привести ей несколько пар – эта обувь одинаково хороша и для прогулок по лесу, и в качестве домашних тапочек. Он знал, что здесь его никто не спросит о доходах, и сам привел некоторые цифры и расчеты. А когда Гончар сообщил, что собирается строить дом, Оливия Фарбер заметила:

- Но вы же не собираетесь навсегда осесть в Вайоминге? Впрочем, хороший дом всегда можно выгодно продать.

- И переехать в Денвер, - добавила Милли.

Где-то в глубине здания прозвенел входной колокольчик, и Оливия Фарбер глянула на стенные часы:

- Кажется, Леопольд пришел. Он сам вам все и расскажет.

Профессор Фарбер тоже не удержался от замечаний по поводу нового костюма Степана.

- Для торговца вы одеты слишком импозантно, - сказал он. – Жилет хорош, но к нему не мешает добавить золотую цепь от часов. И часы должны быть массивные, хорошо бы с парой рубинов на крышке. Кто вязал ваш галстук?

- У меня нет лакея, - развел руками Гончар.

- Положим, это доверяют не лакею, а жене. Но в любом случае получилось недурно. Оригинально, но строго. Где вы научились этому?

- Уже не помню.

Мелисса захлопала в ладоши:

- Ага, что я говорила? Даже папе не удалось ничего выпытать!

Фарбер взял Степана под локоть:

- Мистер Питерс, уединимся в библиотеке. Через пять минут Росита подаст нам кофе, а скрасить томительное ожидание мы сможем с помощью бесподобного бренди.

«Кажется, семейство Фарберов серьезно заинтересовалось происхождением бродяги из Небраски, - подумал Степан. – Никогда раньше они не задавали мне столько вопросов, пусть и косвенных, о моем прошлом».

Словно прочитав его мысли, профессор заговорил:

- С детских лет я запомнил простое правило. Если не хочешь, чтобы тебе лгали, не спрашивай лишнего. В путешествиях мне встречались разные люди, и я никого из них не вынуждал лгать. Они сами рассказывали о себе то, что считали нужным. Неважно, говорили они правду, или сочиняли. Я не заставлял их лгать. Но есть вещи, которые необходимо знать с максимальной точностью. Например, отправляясь по реке, не мешает осведомиться, умеет ли плавать твой попутчик. Понимаете, о чем я?

- Не совсем, - признался Гончар.

Профессор плеснул бренди на донышко широкой рюмки.

- Божественный нектар. Попробуйте, и вы никогда не сможете пить ничего, кроме французского коньяка. Это из Франции. Полагаю, вам известна ценность этого напитка? Хотя… Вы непохожи на француза. Итальянских корней в вас тоже не чувствуется. Иначе Оливия моментально узнала бы в вас земляка.

- К чему эти расспросы, доктор?

- Вы не догадываетесь? – Профессор подвинул рюмку к Степану. – Обратите внимание на аромат. Немного цветочный, не правда ли? Я бы сказал, женственный запах. Виски – это мужчина. А в коньяке заключена женская субстанция…. Извините, что я так долго подбираюсь к сути разговора. Но тема довольно щекотливая.

- Черт возьми! Не узнаю вас, док, - грубовато засмеялся Гончар. – Мы с вами рылись на чужих приисках, мы перестреляли кучу народа, какие еще щекотливые темы остались после этого? Говорите прямо. Время – деньги, слышали такую поговорку?

- Извольте, скажу прямо. Стивен, моя дочь потеряла голову из-за человека, о котором ничего не знает. Не говорите ничего, просто послушайте меня. Ей шестнадцать лет, в ее жилах течет наполовину итальянская кровь. Шекспировской Джульетте, насколько я помню, было четырнадцать. Или еще меньше? Лучше бы это случилось с Мелиссой хотя бы года два назад. Тогда бы все уладилось само собой. Но она считает себя взрослым человеком и уже не играет в дочки-матери, а строит планы. Женская природа берет верх, и Мелисса видит в вас будущего отца своих детей.

Профессор задумался, смакуя коньяк.

- Она сама вам об этом сказала? – спросил Гончар.

- Боже упаси. Есть вещи, о которых не говорят. И есть такой инструмент, как родительское сердце. Может быть, если бы Оливия не была так близка с дочерью, мы бы ничего и не узнали. Но мы знаем. И вы теперь тоже знаете. Что скажете?

Степан ослабил узел галстука, который вдруг показался ему ужасно тесным.

- Что я могу сказать? Судьба подарила мне знакомство с вашей семьей. Я не хочу причинить вам ни малейшего беспокойства. Развернуть перед вами свою родословную? Предъявить фамильный герб? Мне казалось, что вы достаточно хорошо меня узнали. Я не женат. Вам известно, чем я занимаюсь и к чему стремлюсь. И, раз уж об этом зашла речь… Что же, я был бы счастлив жениться на вашей дочери. Хотите знать о моем прошлом? Но прошлого не существует. Во всяком случае, у меня за плечами тридцать лет, прожитых честно. В Небраске, Дакоте и Вайоминге вы не найдете ни одного человека, который мог бы назвать меня трусом или обманщиком.

Фарбер примирительным жестом выставил перед собой ладони:

- Не сомневаюсь! По крайней мере, среди живых таких нет. Но я не касаюсь вашего прошлого. В данной ситуации меня гораздо больше занимает ваше будущее. Вы бы на моем месте

тоже не спешили благословить единственную дочь на брак с человеком, который скрывается от правосудия, так?

- Так.

- Ну, и что мы будем делать?

- Ну, док… Зависит от того, что вы предложите. Ведь у вас наверняка уже есть какие-то планы.

- Что вы, никаких планов. Хотя некоторые идеи могут показаться вам вполне достойными. Например, такая. – Профессор отвернулся к книжному шкафу, и проводя пальцем по тисненым корешкам, заговорил медленно и осторожно, взвешивая каждое слово. - Вы уезжаете, скажем, на год. Вы не показываетесь у нас, пока не разрешится эта история с обвинением в убийстве. За это время Мелисса повзрослеет, станет более благоразумной. Возможно, у нее появятся новые интересы, новые впечатления, новые знакомые, в конце концов. Если же она сохранит свои чувства, то у меня не будет никаких возражений. Но дайте ей время, Стивен!

- Следовательно, я должен уехать в Мексику? – уточнил Степан.

- Нет. – Фарбер снова развернулся к нему, явно приободренный тем, как легко был воспринят его совет. – То есть все должны думать, что вы туда уехали. А на самом деле вы отправитесь совершенно в другом направлении! Что вы знаете о России?

«Так вот оно что! – подумал Степан. – Вот и не верь после этого во всякие предчувствия. То Павловск, то этот вопрос, говорю ли я по-русски. Неспроста все это лезло в голову. Словно кто-то заботливо готовил меня к такому повороту. Ну, спасибо за подготовку».

- О России? Хм. Знаю, что это огромная страна. Много в ней лесов, полей и рек. Там легко спрятаться, если вы это имели в виду. Но слушайте, профессор… - Степан запнулся, подыскивая выражение помягче. – Почему Россия, а не Китай или Индия? Вы бы еще предложили мне слетать на Луну.

- Нет-нет. Речь не об этом. Россия, действительно, огромная страна. Но даже на ее просторах не находится места для людей, которые хотят сохранить свои религиозные обычаи. Удивительно, не правда ли? Я легко могу понять ирландских католиков, которые не могут ужиться с англичанами-протестантами. Им просто некуда деться на своем островке, вот они и пересекают океан. Я понимаю, почему в Америку стремятся немцы, которые не могут найти достойную работу в переполненных и тесных городах. Но русские религиозные диссиденты – это совсем другой случай. Они несколько столетий потратили на то, чтобы отделиться от государственной церкви, укрывшись в труднодоступных районах. Но, похоже, цивилизация в России продвинулась слишком далеко, и теперь несчастным староверам негде скрываться. Во всяком случае, примерно такую картину обрисовали мне в иммиграционном департаменте. Так вот, Стивен. Весной в Маршал-Сити прибудет экспедиция, и вы присоединитесь к ней. Русским нужен специалист по незаселенным землям. Они хотят перевезти в Америку несколько сотен семей, и вы подскажете им, где можно разместить новые поселения так, чтобы не озлобить индейцев и не нарушить права землевладельцев. Это работа как раз для вас, вы же занимались этим в Дакоте.

- В Вайоминге мы вряд ли найдем свободное место для нескольких сотен семей, - заметил Гончар.

- Я знаю. Но есть еще Скалистые горы, есть бассейн Колорадо, есть, наконец, Оклахома. Обследование только этих территорий займет не меньше года. Понимаете? Как вам такая идея?

- Прекрасная идея. – Степан встал. – Скажите, док, вы уже знали об этой экспедиции, когда отправляли меня в Маршал-Сити?

- Нет. Этот городок показался мне тогда самым подходящим укрытием в силу своей труднодоступности. А экспедиция придет туда, потому что Маршал-Сити стоит на самой границе освоенных земель. Дальше – только горы, пустыни и индейцы. Понимаете, Стивен? Найти вас

там, где будет работать экспедиция – это просто физически невозможно даже для лучших ищеек Пинкертона.

Степан Гончар почувствовал что-то вроде разочарования. Нет, он не собирался никуда уезжать. Но едва Фарбер заговорил о России, в памяти Степана на миг промелькнули огни Пулковского шоссе… Может быть, незачем искать Ущелье Туманов по всей Америке, а просто вернуться… Куда? В Россию, в блистательный Петербург? А что… Нанять извозчика и выйти из экипажа на ту самую обочину, с которой он когда-то провалился в чужой мир. Может быть, там еще не захлопнулась калитка, ведущая в прежнюю жизнь?

«Нет, - подумал Степан. – Мой мир – здесь. Я живу здесь и сейчас. А все, что осталось за обочиной – оно уже не мое».

- Спасибо за заботу, профессор, - сказал он. - Но русская экспедиция прекрасно справится и без моей помощи. Говорите, они прибудут весной? К этому времени я уже налажу свой бизнес где-нибудь в Акапулько. Если судья Томсон захочет меня найти, мой новый адрес он узнает у мэра. И можете не сомневаться – в течение года я ни разу не появлюсь в вашем доме.

3. ООО «Дороги Вайоминга»

Зима – не лучшее время для путешествий. Перевалы скрылись под снегом, и при всем желании Степан Гончар не смог бы уехать из Маршал-Сити. Хорошо еще, что Эрни успел завезти ему достаточно товара, иначе фирма «Такер и сыновья» зачахла бы на самом первом этапе своего развития.

Коротая вечера за покером в компании мэра, шерифа и хозяина гостиницы, Степан досконально узнал и недолгую историю городка, и его перспективы. Маршал-Сити был конечным пунктом одного из южных ответвлений Орегонской тропы[1], соединявшей Небраску и Ванкувер. Здесь, в плодородной долине между гор, после Гражданской войны появились сотни ферм. Жившие на этих землях индейцы-паюты не сопротивлялись нашествию белых. Часть их ушла в горы, но большинство осталось. Паюты легко ужились с пришельцами, и многие из них стали батраками на фермах. Урожаи кукурузы и пшеницы тут были намного богаче, чем на Востоке, а среди холмов и озер имелись отличные пастбища. Фермеры процветали, процветал и город, ставший столицей округа. Однако зимой в Маршал-Сити все замирало. Когда-то жители города рассчитывали, что здесь пройдет железная дорога, связывающая Вайоминг и Колорадо, но этим планам не суждено было осуществиться.

Впрочем, такое положение не устраивало только торговцев и владельцев отелей. А вот шериф Палмер, например, не очень-то и огорчался. Изолированное положение города ему нравилось хотя бы тем, что сюда не заглядывал разный сброд вроде ирландцев да китайцев, которые оседали вокруг железнодорожных станций и добывали там уголь для проходящих поездов.

- Вот вы стонете, что линия прошла мимо нас, - говорил он. – Посмотрим, как начнут стонать наши преуспевающие соседи, когда китайцы выкопают из-под земли последний уголек, а ирландцы срубят последнее дерево на дрова для паровоза. И куда денется вся эта шваль? На большую дорогу, вот куда.

Обычно на такие тирады следовал ответ со стороны Бенджамина Хилтона.

- У вас подрастают сыновья, - говорил хозяин гостиницы. – Долго им еще оставаться под родительской крышей? Придет время, и они захотят обзавестись семьей. И куда прикажете им обратить взор в поисках невесты? Я заметил, что каждый раз, когда фермеры съезжаются к нам на ярмарку, в обозах все меньше девушек. Можно, конечно, поискать и на самых отдаленных ранчо, но захотят ли ваши парни крутить хвосты коровам? Вот и получается, что им придется

[1] Тропа, Trail – название маршрутов, соединявших отдаленные районы Запада.

отправиться в другие города. И кто поручится, что они там и не останутся? А вот если бы у нас была хорошая дорога, невесты сами слетались бы в Маршал-Сити.

- Ага, - ухмылялся мэр Гриффит, - невесты, их бдительные матушки и папаши с туго набитыми кошельками. Новые жильцы вашей гостиницы и новые клиенты вашего ресторана.

- И новые шулера, проститутки и аферисты, - добавлял шериф, разглядывая свои карты и стараясь скрыть довольную улыбку. – Нет уж, Бен, довольствуйтесь малым. Лучше честная и спокойная бедность, чем суета ради богатства.

Эти разговоры в конце концов надоели Гончару, и он как-то спросил:

- А почему бы нам не поступить по примеру жителей Денвера? Они тоже возлагали надежды на железную дорогу, но ее проложили севернее. И тогда денверцы сами протянули свою ветку к магистрали.

- Если бы мы, как они, сидели на залежах серебра, мы бы тоже так сделали, - сказал Гриффит. – Но с наших горожан не выдавишь лишний доллар даже на строительство школы. Я уж не говорю о фермерах.

- А знаете, какой товар покупают все без исключения? – Гончар обвел взглядом партнеров.

- Патроны и выпивку, - сказал шериф.

- Нет. Газету. Наш «Вестник Вайоминга» расходится моментально. Я говорил недавно с редактором, и он убежден, что, если бы печатал десять тысяч экземпляров, то и они разлетелись бы за день. Газета расходится по всему округу, и мне кажется, что ее покупают не только для растопки. Люди читают и перечитывают ее. Так почему бы нам через газету не подбросить им идею насчет дороги?

- Да мы уже столько лет об этом судачим, - махнул рукой Хилтон. – Что толку?

- Давайте хотя бы попробуем, - предложил Степан. – Если идею внедрять достаточно упорно, она рано или поздно засядет в голове читателя. Создадим дорожно-строительную компанию, выпустим акции. Будем печатать биржевые котировки, чтобы народ видел, как кто-то богатеет на акциях, не шевельнув даже мизинцем левой ноги. В конце концов жители Маршал-Сити сами придут к мэру, сами скинутся по сотне долларов, и даже сами возьмутся за лопаты, если потребуется.

- Они придут не к мэру, - сказал мэр. – Пусть они идут в обувной магазин. Вы, Такер, беретесь за это дело? Даю вам полную свободу действий. Пишите статьи, рисуйте плакаты, нанимайте зазывал. Можете даже пригласить оркестр, чтобы разбудить народ от спячки.

Как только перевалы освободились от снега, Степану пришлось тайком наведаться в Эшфорд. Он встретился с Эрни, переговорил с инженером Маккормиком, и в ту же ночь, несмотря на отчаянные уговоры друзей, отправился в обратный путь, увозя с собой наброски проекта. Маккормик пообещал направить в Маршал-Сити одного из своих знакомых инженеров. Старый Коллинз когда-то командовал саперным полком, и еще не забыл, как с помощью динамита и Святого Патрика прокладываются дороги в горах. В части изыскательских работ Гончар надеялся на помощь Фарбера. Себе же он оставил самую сложную часть дела – подготовку общественного мнения и организацию акционерной компании «Дороги Вайоминга».

Никто не спрашивал его, зачем он взвалил на себя столько хлопот. Что может быть спокойнее и безопаснее, чем торговля обувью? Получай свой процент прибыли с каждой проданной пары, следи за управляющим, да выписывай новые образцы – вот и вся работа. Наверно, Степан превратился в настоящего американца. Он не мог устоять на месте, если видел возможность развития нового бизнеса. А строительство дорог обещало принести огромные барыши, хоть и не сразу, а в отдаленном будущем. Но самое главное – обувь стопчется и будет выброшена на помойку. А дорога останется.

Вот в таких заботах и пролетела зима. Степан не забыл про обещание, данное Фарберу, и ни разу не наведался в Денвер. Уезжать в Мексику он, впрочем, не собирался – у него было слишком много дел в Вайоминге.

Однажды в начале марта он вместе с Коллинзом объезжал холмы за городом, прикидывая, как бы спрямить неизбежный поворот будущей дороги. Они остановились на болотистом берегу озера, и старый сапер вдруг приложил ладонь к уху:

- Мне послышалось? Мистер Такер, вы ничего не слышали?

Степан оглянулся – и понял, что стариковские уши еще не утратили охотничью чуткость. Из-под низких облаков вывалилась стайка гусей. Радостно гогоча, шестерка птиц низко скользила над бурыми камышами, следуя всем поворотам берега и отражаясь в лужах. Неожиданно гуси разом взмыли вверх, описали плавный круг над озером, а затем пошли на посадку. Они бесшумно планировали, выпустив темные лапы, как шасси. Вспенив воду, гуси снова подняли отчаянный гогот и принялись плескаться так, что от них пошли кругами волны.

- Осенью-то они ведут себя поскромнее, - улыбнулся Коллинз, глядя на птиц из-под ладони. – Улетают молча, зато возвращаются с песнями. Наверно, кричат друг другу: «Еще день полета, и будем дома!» Конечно, любому приятно возвратиться в то место, где родился. Вот они и радуются.

Вернувшись в гостиницу, Степан заметил у коновязи двух новых лошадей. Судя по засохшей грязи, покрывавшей их чуть не до хребта, кобылы проделали изрядный путь. Под стать лошадям были и их хозяева, которых Степан увидел в холле. Разбитые сапоги и потертые кожаные плащи впитали в себя пыль всего Запада. Плотный бородач дремал, развалившись в кресле. Второй гость стоял у стойки администратора. Гончар понял, что парни безуспешно выпрашивают место для постоя. Однако по непреклонному лицу администратора было видно, что он успел оценить их внешний вид. Плюшевые кресла и пуховые перины Бенджамина Хилтона предназначались не для бродяг. И хотя посетитель, облокотившийся на стойку, был безупречно, до синевы, выбрит, это не могло служить пропуском в отель. Потому что от гладкого квадратного подбородка до самого кадыка тянулся тонкий извилистый шрам, и при каждом взгляде на него портье испуганно моргал.

- Но вы, надеюсь, не будете возражать, если мы дождемся управляющего в холле? – дружелюбно улыбаясь, спросил человек со шрамом.

- Это бесполезно, мистер, - сдержанно ответил портье. – Свободные номера не появятся оттого, что вы поговорите с управляющим.

Сидевший в кресле подал голос:

- Позови хозяина.

- Мистер Хилтон ужинает, и вернется не раньше чем через час, - сказал портье. – Я бы советовал вам не тратить время. Загляните в гостиницу напротив. В «Серебряной Звезде» прекрасные условия, и там всегда есть свободные номера. Можете проехать сто ярдов по улице, и увидите постоялый двор. Там будет удобнее и вам, и вашим лошадям.

- Нам будет удобнее здесь…

Степан прошел мимо, не дожидаясь окончания спора. Эти изможденные путники не имели ни малейшего шанса переночевать в гостинице Хилтона, хотя в отеле и были заняты только три номера из десяти. Бенджамин слишком дорожил репутацией своего заведения, несмотря на то, что такая щепетильность и приносила ему сплошные убытки. Гончар и сам бы предпочел жить в «Серебряной Звезде», выстроенной совсем недавно, а не в этой старомодной развалюхе. Но, во-первых, сюда его направил судья Томсон. А во-вторых, Степану очень нравилось, что из своего окна он видел все подходы к гостинице, а рядом с номером был черный ход. При необходимости он всегда мог исчезнуть отсюда, не привлекая внимания к своей скромной особе.

Переодеваясь, Гончар смотрел не в зеркало, а в окно. Улица поднималась между приземистыми домами и упиралась прямо в хмурое небо. Где-то там, за облаками, проносились над весенней степью невидимые гуси, и Степану казалось, что он слышит их возбужденные голоса. «Каждому приятно вернуться туда, где родился, - вспомнил он. - Наверно, так оно и есть. Вот только хорошо бы знать, где именно ты появился на свет. Где, когда, и кто… Степан Гончар родился в Ленинграде, в 1973 году. Точной даты рождения Стивена Питерса никто не знает, известно только, что он появился в Небраске десятого февраля 1876 года. А в октябре 1879–го из Денвера в Маршал-Сити прибыл преуспевающий торговец, мистер Такер. Ну, и кто же из них – я? И куда мне лететь, чтобы покружить над родным гнездом? А ведь жив еще и Зимний Туман, друг шайенов. Этот парень вообще, наверно, родился в какой-нибудь Год Удачной Охоты, и вырос на бизоньей шкуре, под топот копыт».

Он одернул жилет и поправил золотую цепочку. Пора спускаться к ужину.

Винтовая лестница привела его в кабинет, где уже был накрыт стол. Бенджамин Хилтон сегодня казался озабоченным и никак не отреагировал на комплименты, которыми мистер Такер наградил довольно пресное жаркое из оленины.

- Я получил телеграмму из Чикаго, - сказал он. – Месяц назад скончался родственник жены, и теперь у нее возникли проблемы с разделом наследства. Ей досталась половина дома, но она никак не может ее продать. Видимо, там требуется мое присутствие.

- Так поезжайте.

- Хорошая идея. Как я сам не догадался? – Хилтон саркастически усмехнулся. – Вы никогда не задумывались, Такер, почему это я не отхожу от своей гостиницы дальше чем на десять шагов? Только до почты – и сразу обратно. Не задумывались?

- У каждого есть привычки, непонятные для окружающих, - дипломатично ответил Гончар.

- Вы все поймете, если я вам скажу, что эта гостиница – третья в моей жизни. Две первые сгорели. Одна в Денвере, другая в Рок-Спрингс. И каждый раз это происходило тогда, когда я отсутствовал.

Гончар задумался, потягивая вино. Он понимал, что Хилтон ждет от него какого-то совета, иначе не затеял бы этот разговор.

Затянувшуюся паузу прервал осторожный стук в дверь, и в кабинет заглянула горничная:

- Мистер Хилтон! Сэр, кажется, Робин нуждается в вашей помощи. Он никак не может отвязаться от новых гостей!

- Прошу прощения, - Хилтон встал из-за стола.

- Видел я этих гостей, - сказал Гончар, вставая вместе с ним. – Если не возражаете, я пройду с вами.

- Это те ковбои? Кажется, они считают себя слишком крутыми. Не волнуйтесь, Такер, я умею разговаривать с такой публикой.

- Я не волнуюсь. Но мне кажется, они не ковбои. Это иностранцы.

Гончар и сам не знал, почему вдруг так решил. Наверно, потому, что приехавшие говорили слишком правильно.

Они оба сидели в креслах, и одновременно поднялись навстречу Хилтону.

- Вы – хозяин? – спросил тот, что выглядел постарше и покрепче, со светло-русой окладистой бородой.

- Я должен сказать, что…

- Минутку. Что здесь нет свободных номеров, я уже слышал. Сколько стоит отель?

Бенджамин Хилтон был воплощением любезности.

- Есть номера дорогие, есть и более доступные, но сейчас их стоимость не имеет значения, поскольку все они заняты.

- Отель, - четко повторил иностранец. – Сколько стоит все это? Дом, посуда, белье? Сколько?

- Если это вас так интересует… - Хилтон скрестил руки на груди. – Двадцать пять тысяч долларов.

Иностранец откинул полу жесткого плаща и полез в задний карман штанов.

- Покупаю.

Он выложил на стойку кипу смятых банкнот. Его спутник быстро отсчитал:

- Восемнадцать, девятнадцать.… Двадцать тысячными[2], остальное - мелочью. Пятьсот, шестьсот, две тысячи, две сто, три, четыре, четыре семьсот.… Пять. Пожалуйста, двадцать пять тысяч.

В холле воцарилась мертвая тишина. Хилтон откашлялся и произнес:

- Видимо, вы неверно меня поняли, сэр. Я не имел в виду, что…

- Вы назвали цену, - перебил его иностранец. – Я даю деньги. Что вас не устраивает?

Бенджамин Хилтон оглянулся на Гончара. Степан решил прийти ему на выручку.

- Джентльмены, мы могли бы обсудить сделку за столом, - сказал он, подходя к стойке.

- Нет времени, - отрезал иностранец. – Берите свои деньги.

Хилтон осторожно сгреб доллары и постучал о стойку, выравнивая края пачки.

- Мы можем оформить бумаги прямо сейчас или завтра утром, как вам будет удобнее, - тихо сказал он.

- Удобнее завтра, - заявил иностранец. – Я валюсь с ног. Скажите всем, кто здесь живет, что у них есть десять минут на сборы. Через пятнадцать минут все номера должны быть свободны.

4. Русские идут!

В отеле «Серебряная Звезда» бережно хранили традиции, сложившиеся во времена покорения Запада. На рассвете постояльцев будил гонг. Повторный удар раздавался через полчаса, и он означал, что в столовой готов завтрак. Степан знал, что его никто не осудит, если он проваляется в постели лишний часок. Но и на кормежку в таком случае можно не рассчитывать. А готовили в «Звезде» отменно.

- Как спалось на новом месте? – скрывая ехидную усмешку под седыми усами, поинтересовался Коллинз, когда Гончар спустился к завтраку. – Говорят, у Хилтона в каждом номере стоит ванна, и перины там в два фута толщиной, это правда?

Степан кивнул, накладывая из общей кастрюли к себе в тарелку жареную фасоль.

- А еще говорят, Хилтон сегодня ночевал у шерифа в участке, - продолжал Коллинз. – Побоялся, видать, сюда перебраться. С такой-то кучей денег. Неужели этот русский и в самом деле вытащил двадцать пять тысяч из кармана? Вы сами это видели, Стивен?

Гончар снова кивнул. Фасоль таяла во рту, и он подумал, что надо было переехать сюда раньше.

- Русский? – переспросил он.

- Ну да, этот сумасшедший князь. Видал я одного русского князя. Он чуть не разорил самое дорогое казино в Мемфисе. Но этот, наш, покруче будет. Посмотрим, за сколько он продаст гостиницу, когда поедет дальше. Больше пяти тысяч ему никто не даст, это уж точно.

- Вы нанесли на карту те высоты, что мы измерили вчера? – спросил Гончар.

- Так точно, сэр.

---

[2] Банкноты номиналом в 500, 1000 и 10 000 долларов были в обращении до 1969 года

- Полковник, я же просил вас, - поморщился Гончар. – Никаких «сэров». Я ровно в два раза младше вас.

- Извините, привычка. Возраст не имеет значения. Я работаю на вас, вот и...

- Мы работаем вместе. И в нашей работе вы понимаете больше меня, и больше любого в радиусе тысячи миль. Что вы наметили на сегодня?

- Сегодня нам придется взять с собой помощников. Пора выставлять вехи.

- Думаю, с этой задачей вы прекрасно справитесь без меня. Мне придется весь день заниматься магазином. А работников для вас наберет Гриффит.

Коллинз налил себе кофе и подвинул кофейник к Степану:

- У горожан теперь одна забота - как бы вытянуть из князя побольше деньжат. Что бы такое еще ему продать? Говорят, он простоит у нас не меньше месяца, будет набирать проводников. Если он затеял большую охоту, с ним уйдут все наши помощники. Вся работа остановится. Сами знаете, от лишнего доллара никто не откажется. А у князя этих лишних долларов – море.

- Я придумаю что-нибудь, - пообещал Гончар.

По дороге к своему магазину он миновал несколько лавок, и в каждой с самого утра кипела работа, словно накануне открытия ярмарки. Степана догнал один из его продавцов.

- Доброе утро, мистер Такер! Я так и думал, что сегодня нам придется открыться пораньше!

- Привет, Майк. Ты мог бы не торопиться, твой рабочий день начинается с десяти.

- Сегодня особый день, сэр.

- Только не у нас.

Парень остановился.

- Что же мне теперь, домой идти?

- Раз уж пришел, займись витриной, - попросил Степан, отпирая дверь.

Он закрылся в тесном кабинете управляющего и раскрыл перед собой бухгалтерский журнал. Слушая, как возится за стенкой продавец, он скользил невидящим взглядом по столбцам цифр, но мысли его были далеко отсюда.

С какой бы целью ни прибыл в Маршал-Сити русский князь, в жизни города начнутся перемены. Да они уже начались. Если намечается большая охота, сюда потянутся проводники со всей округи, и не исключено, что среди них будут и те, кто хорошо знал Стивена Питерса. Даже если они и не слышали еще о его новом положении, встречаться с ними небезопасно.

Его отвлек шум за окном. Скрип колес, слитный топот множества копыт, возгласы погонщиков и щелканье кнута – эти звуки не могли оставить его равнодушным. В город входил караван.

Степан встал у окна, немного отодвинув занавеску. По улице тянулась цепочка навьюченных мулов. Всадник в лохматой шапке остановился, поджидая фургон. Он привстал в стременах и гаркнул по-русски:

- Подтянись!

«Где князь, там и свита», - подумал Гончар.

Тент фургона был скроен из трех разноцветных полотнищ. Они выгорели на солнце, вылиняли под дождями и пропитались пылью, но при желании их еще можно было считать красным, голубым и белым.

Увидев цвета российского государственного флага, Степан понял, что русские прибыли сюда вовсе не ради охоты. Скорее всего, это и есть та самая экспедиция Российской Американской компании, о которой его предупреждал Фарбер.

Он задернул занавеску. Возможно, профессор был прав, предлагая ему уйти вместе с этой экспедицией. Там-то Стивену Питерсу точно не грозит случайная встреча со знакомыми.

Но сейчас он не мог бросить всё и бежать из города. И бизнес тут не при чем. Гончар знал почти наверняка, что, уехав отсюда, он никогда не вернется. И никогда не увидит Милли.

Над этим можно смеяться, этому можно сочувствовать, это почти невозможно понять – но Степан Гончар верил, что ему не жить без Мелиссы. Он слишком хорошо запомнил те минуты, когда валялся на песке, истекая кровью, и холодный туман окутывал его. Тогда у него не было ни сил, ни желания сопротивляться смерти. Он словно спускался по текучей осыпи, и только далекий женский голос заставил его остановиться. Гончар вернулся к жизни из-за этой девчонки. Точнее, ему было позволено вернуться. Должен же быть в этом какой-то смысл. Можно считать, что он заключил сделку с Тем, Кто решает, умереть тебе или жить. И главным условием сделки было возвращение к Милли.

И когда он залечивал раны, а она сидела у его постели, то не было лучшего лекарства от боли и жара, чем ее прохладная ладонь на его лбу. Ее голос, ее приглушенный смех, ее легкие шаги за стеной – эти звуки казались ему самой прелестной музыкой. Рядом с Мелиссой все начинало сиять теплыми красками, как под лучами солнца. А без нее мир погружался в сумерки. Если бы Гончар не питал отвращения к высоким словам, он мог бы сказать: «Милли, разбойница… Ты – мое солнце, моя жизнь. Я не могу жить без тебя». Но он точно знал, что никогда не сможет произнести столь напыщенную фразу. Пусть даже в ней и нет ни капли лжи…

А за окном все тянулся караван, точно такой же, с какими Гончар десятки раз пересекал горы и пустыни Запада. Разница была только в том, что на этот раз к обычным звукам примешивалась русская речь.

- Кунцев! Где Кунцев! Куда его черт понес!

- Не иначе в кабаке! Ваше благородие, дозвольте за ним сбегаю!

- Я тебе сбегаю! Речкин! Двух караульных оставишь в обозе, с остальными на речку, коней поить! Ваше сиятельство, куда прикажете фуры заводить?

- Что так долго-то, Никита Петрович? – послышался недовольный голос того «иностранца», который прошлой ночью стал владельцем отеля. – Где застряли?

- Виноват, не уследил, Лукашка на горке фургон опрокинул. Слава Богу, не убился никто.

- Располагайтесь в красном доме на площади, Домбровский вас ожидает. Казаков по трое в комнату. Да предупреди, чтоб простыни на портянки не рвали.

- Кунцев! Кунцев, ты где был!

- Да я тут недалеко. Да в лавку заглянул, насчет крупы да муки.

- Крупы? А усы почему мокрые! Смотри у меня, Кунцев, тут тебе не чисто поле, тут какой-никакой, а город, тут не забалуешь!

- Да я, истинный крест, только попробовал!

- Я тебе попробую…

Голоса отдалялись по улице, а в магазине громко звякнул входной колокольчик, и Степан вышел из кабинета, чтобы посмотреть на посетителя.

Русский князь стоял перед прилавком, заложив руки за спину.

- Я зашел, чтобы поблагодарить хозяина этого магазина, - сказал он. – Если б не ваш указатель, мы бы еще долго плутали. Неплохо придумано, поставить посреди степи веху со стрелками. Нью-Йорк – две тысячи миль, Ванкувер – тысяча миль, обувной магазин Такера - тридцать миль.

- Я хозяин, - сказал Гончар. – Рад, что вы не свернули к Нью-Йорку.

- Там нам нечего делать, на Востоке. Но, признаюсь, последняя сотня миль оказалась весьма тяжелой. Ни свежей карты, ни проводника. Пришлось довериться интуиции моего помощника, который почему-то был уверен, что впереди есть город, который еще не нанесли на карты.

- В Америке хватает таких городов. Их незачем наносить на карты, потому что назавтра они могут исчезнуть.

- Надеюсь, ваш городок избежит подобной участи.

Князь с любопытством оглядывал полки, на которых были выставлены сапоги.

- Желаете что-нибудь купить? – спросил Гончар.

Князь кивнул. На вид ему было не больше сорока лет. Когда он снял шляпу, открылся высокий лоб с двумя залысинами. Борода делала его похожим скорее на крестьянина, чем на аристократа.

- Хочу новые сапоги, - сказал он.

- Майк, помоги гостю. – Степан отошел к кассе, чтобы не мешать продавцу.

- Для верховой езды нет ничего лучше настоящих ковбойских сапог, - обрадованно зачастил Майк. – Мы получаем товар от лучших мастеров. Обратите внимание, из какой мягкой телячьей кожи изготовлены голенища. Но при этом – ни единой складки! Голенище останется ровным, как ствол винчестера, сколько бы рек вы не пересекали вброд. А все потому что они прострочены. Видите – швы? Идеальная прямая линия. А колодка жесткая, как сталь, пощупайте! Это бычья кожа.

- Не люблю жесткую колодку, - сказал князь, с силой тиская носок предложенного Майком сапога.

- О, это она только сверху жесткая, чтобы защитить вашу ногу! А изнутри она очень мягкая и податливая! Надо только первые два-три дня надевать сапоги мокрыми, пока будете разнашивать, и кожа растянется как раз по ступне!

- Сколько стоят вот эти, красные?

- Тридцать долларов, сэр.

Степан усмехнулся, оценив предприимчивость Майка. Самые дорогие сапоги еще вчера вечером стоили двадцатку. Наверно, и во всех прочих магазинах сегодня резко подскочили цены.

- Мне нужно двенадцать пар, - сказал князь.

- О, тогда вы получите значительную скидку!

- Это неважно. Вам придется повозиться, подбирая обувь для моих людей. Они очень придирчивы, и любят торговаться. Сегодня у вас будет много работы. Покажите мне самый дорогой образец.

- Сию минуту!

За стеклом витрины Степан увидел шерифа. Палмер стоял, заложив большие пальцы за пояс. Перехватив взгляд Гончара, он поманил его кивком головы и отошел за угол.

- У вас наступило горячее время, Такер, - сказал шериф, когда Степан догнал его. – Такой наплыв покупателей. Население города выросло сразу на четырнадцать душ. А будет еще больше. Похоже, строительство дороги надолго остановится.

- Вовсе нет. Наоборот, завтра мы собираемся разбить за озером первые палатки для лагеря строителей.

- Кто там будет жить? Коллинз?

- Думаю, что мне самому придется там поселиться, - сказал Гончар. – По крайней мере, пока не прибыли инженеры. Знаете, весной меня всегда тянет пожить под открытым небом.

Шериф остановился, оглядываясь.

- Это хорошо. Это очень хорошо, Стивен. Завидую вам. Охота, простор, никаких забот. Вы любите охоту? Что ни говори, а у зайца, которого сам подстрелишь, совсем другой вкус. Хотя я и не поклонник зайчатины…

- Послушайте, Крис, вы пришли ко мне, чтобы поговорить о дичи?

- Смотря, что вы называете дичью, - спокойно ответил шериф. – Некоторые охотятся на зайцев, а некоторые – на людей. Я был вчера на станции, и видел, как с поезда сошел один такой охотник. Хэнк Форман, из Колорадо. Не слыхали о нем?

- Нет.

- А я его знаю уже года три. Он собирает скальпы. И продает их властям. В среднем по тысяче баксов. Я обязан оказывать ему содействие в поиске преступников.

- А премию – пополам? – спросил Гончар.

- Если бы так! Считается, что с меня хватает и жалованья. Однако я не могу себе позволить ничего лишнего, а Хэнк разъезжает на белой арабской кобыле, носит золотые перстни и шикарный «стетсон» за двадцать долларов. Вы его сразу узнаете по малиновому сюртуку и черному галстуку. Но самая дорогая его игрушка – это «ремингтон» армейского образца. Он бьет на пятьдесят шагов. Говорят, Форман набивает свои патроны каким-то особенным порохом. Не знаю, не проверял. И нет никакого желания видеть, как он работает.

- Навряд ли его «ремингтон» найдет применение в нашем тихом городке, - невозмутимо ответил Степан. Он вытянул из жилетного кармашка золотые часы, щелкнул крышкой и сокрушенно покачал головой: - Мне надо поторопиться. Коллинз будет ворчать, если я задержусь. Если я вас правильно понял, Крис, вы не любите зайчатину. Что ж, надеюсь, вы не откажетесь от оленьей ноги? Как только подстрелю первого оленя, ваша хозяйка получит посылку из лагеря.

- Олени сейчас пасутся за холмами. А в степи полно змей. Будьте осторожнее, Стивен. – Шериф подал ему руку. - И никогда не ходите на охоту без помощника.

5. Капкан для охотника

Говорят, если ты слышишь, как летит пуля, то она летит не в тебя. Эти звуки были знакомы Гончару. Бывало, пули вспарывали воздух над головой, или с пчелиным жужжанием проносились сбоку, или злобно мяукали, отскочив от преграды. Но свою пулю он, как водится, не услышал. Больше того, когда она ударила его в бок, Степан услышал только, как лязгнули его зубы. Уже потом до него донесся треск далекого выстрела.

А еще говорят, что змея не ужалит человека, когда он пьет воду из ручья рядом с ней. Этот закон природы соблюдают даже палачи – они никогда не откажут приговоренному в последнем глотке виски. Но охотник за скальпами не обязан следовать законам или хотя бы приличиям. Его пуля настигла Степана как раз в тот момент, когда тот поднес к пересохшим губам флягу с водой.

От удара Гончар потерял равновесие. Выронив поводья, он соскользнул с лошади и откатился за валун, возвышавшийся над сухой травой. Тучка фыркнула и подошла к нему. Степан хлопнул ладонью по земле и зашипел, отгоняя кобылу. Она послушно отбежала в сторону, оглянулась пару раз и, убедившись, что хозяин не собирается вставать, принялась щипать молодые былинки, зеленеющие в бурой прошлогодней траве.

Гончар ощупал бок. Крови не было. Пуля угодила в патронташ, где, к счастью, были только пустые гильзы.

«Ну, что же, ты получил еще один шанс, - подумал Степан. - Если противник застал тебя врасплох, и ты еще жив – он в твоих руках».

Он осторожно выглянул из-за валуна, раздвинув траву. Его шляпа валялась на песке в двух шагах от него. Рядом лежала фляга, и из открытого горлышка, булькая, выливалась вода. «Отлично, - подумал Гончар. – Он должен думать, что выстрел был удачным. Со стороны все выглядит именно так: я свалился мешком, при этом потерял самое дорогое, что есть в пустыне

– шляпу и воду. И лошадь обнюхала хозяина и отскочила, как от покойника. Да, я покойник, я валяюсь за камнем, подойди и убедись в этом».

Он медленно отполз в сторону, отложил винчестер и достал револьвер. Противник обязательно подойдет к нему. Ведь, чтобы получить вознаграждение, надо привезти к полицейскому участку тело убитого преступника…

Палмер недаром предупреждал его об опасности. Возможно, шериф догадывался, что «мистер Такер» не от хорошей жизни застрял в их глухомани, но ему не было никакого дела до того, что осталось в прошлом. На Западе многим часто приходилось менять не только место жительства, но и имя. Разорившийся промышленник становился удачливым фермером, бывший банкир обзаводился табуном, да и сам шериф наверняка оставил на Востоке что-нибудь такое, к чему не хотелось бы возвращаться. Здесь никто не спрашивал о вчерашнем, в цене было только то, что ты мог предложить сегодня. И если порядочному торговцу угрожает встреча с наемной убийцей, почему бы не предупредить его об этом? Хотя бы для того, чтобы уравнять шансы.

После разговора с шерифом Степан не стал медлить. В ту же ночь он оказался в тридцати милях от Маршал-Сити. Остановив фургон на берегу озера, Гончар прекрасно выспался под шорох сухих камышей и вой далеких койотов. На следующее утро прибыл Коллинз с парой работников, и они принялись за устройство лагеря.

Взяв на себя работу по добыче пропитания, Степан в первый же день подстрелил бизона. Теперь они были обеспечены мясом, по крайней мере, на неделю, но Гончар продолжал каждый день выезжать из лагеря с дробовиком и винчестером. Наверно, работники считали его не самым удачливым стрелком, потому что обычно мистер Такер возвращался с пустыми руками. И неудивительно. Ведь вместо того, чтобы выслеживать дичь, Гончар целый день проводил на макушке холма, в тени густого кустарника. Его Тучка паслась в неприметной ложбинке, а сам он то упражнялся с револьверами, то вскидывал бинокль, разглядывая облачко пыли, показавшееся в степи.

По следу первых фургонов из города тянулись открытые повозки с грузом или с новыми работниками, сидевшими на бортах, свесив ноги. За неделю незаметная тропа превратилась в накатанную дорогу. Шесть больших палаток поставили не в ряд, а кольцом, чтобы в середине лагеря было место, защищенное от неутихающего степного ветра. По утрам рабочих будили звонкие удары по обрезку рельса, висящего рядом с кухней. А вечерами все собирались вокруг фургона Мамаши, где можно было принять «снотворного», перекинуться в кости да почесать языки. Там-то Гончар и услышал, что в городе появился хлыщ на белой арабской кобыле. И понял, что ждать осталось недолго.

Степан был готов к засаде, но все-таки прозевал выстрел, и вот теперь валялся за камнем, ожидая, когда Хэнк Форман соблаговолит прикончить его.

Он не чувствовал ни страха, ни злости, и заботился только о том, чтобы все сделать правильно. Убегать – поздно, нападать – не на кого, остается только ждать, глядя на происходящее как бы со стороны, с высоты птичьего полета. И пытаться представить себя на месте противника. «Ему сейчас тоже несладко, - думал Степан, прислушиваясь к тонкому посвистыванию ветра в сухой высокой траве. – Сначала пришлось долго лежать на колкой земле, поджидая меня. А теперь он, наверно, подкрадывается, переползает в траве, и вся его одежда уже в колючках, и песок набился в рукава. Ему придется встать, чтобы увидеть меня. Но он понимает, что, как только встанет, я его уложу. Это в том случае, если я жив. Он надеется, что убил меня. Он почти уверен в этом, и ему самому кажутся лишними все эти предосторожности. Но он будет ползти, и не поднимет головы лишний раз. Черт возьми, сколько хлопот из-за какой-то тысячи долларов! Да я не задумываясь заплатил бы ему больше, лишь бы он успокоился и оставил меня в покое. Столько дел в городе, да и лагерь нельзя оставлять без присмотра, а мы

тут играем в прятки. Два солидных человека валяются на земле, и один из них так и останется лежать. И все из-за того, что Хэнку Форману хочется увеличить свой счет в банке».

Он услышал, как Тучка переступила на месте и тряхнула гривой, а потом коротко всхрапнула. Степан скосил глаза на нее. Кобыла замерла, повернув голову. Она что-то увидела в траве.

«Со спины заходит», - понял Гончар, бесшумно перекатываясь на другой бок. Он распластался на земле, держа револьвер обеими руками. Где-то впереди с легким хрустом ломались стебли травы. Степан и не знал, что способен различить такие звуки. Но он вдруг понял, что слышит даже тиканье часов, упрятанных в карман жилета. А непрерывный пульсирующий гул – это шумит в ушах его собственная кровь. Он не замечал только своего дыхания, потому что не дышал. Зато впереди все яснее слышалось дыхание противника.

Но вот и оно замерло.

Может быть, Тучка заметила зайца? Невинный зайчишка, исхудавший за зиму, возится в траве, и не подозревает, что на него нацелен кольт сорок пятого калибра. Как тебя зовут, несчастный грызун? Случайно, не мистер Форман?

- Эй, Питерс! – послышалось из травы.

«Спасибо, Хэнк, - подумал Гончар. – Ты облегчил мне работу. Кроме тебя, никто не назвал бы меня Питерсом».

Степан вытянул руку, наведя револьвер на дрожащие сухие колоски. Он уже точно знал, где находится противник.

- Нет здесь никакого Питерса… - страдальчески промычал он, прикрыв рот ладонью и немного отвернувшись, чтобы звук дошел до Хэнка, отразившись от валуна. Среди охотников полно любителей стрелять по любому шуму. Им и невдомек, какие шутки иногда вытворяет эхо. – Я Такер… Кто-то стрелял в меня…

Трава оглушительно зашуршала, и над ней приподнялась человеческая фигура. Гончар нажал на спуск, и силуэт исчез за облаком дыма. Еще выстрел, и еще один – и каждый раз он опускал ствол на дюйм ниже. Гончар бил по цели, невидимой за дымом, но был уверен, что не промахивается. Ему казалось, что он слышит удары пуль по неподвижному телу.

Он привстал и перекатился в сторону, через валун. Выждал, поднялся на колено, и снова выстрелил, теперь уже не наугад, а по темному пятну в траве. А потом подошел к убитому, продолжая держать его на мушке.

Пули прошили беднягу насквозь. Бурый дождевик был изодран на спине, сквозь кровавое месиво белели осколки ребер. Гончар носком сапога перевернул труп и увидел малиновый сюртук.

Степан нашел в траве «ремингтон». По виду револьвер почти ничем не отличался от армейского кольта, но казался немного тяжелее. На перламутровой рукоятке темнели девять грязных зарубок. Вытряхнув патроны, Гончар подозвал Тучку и засунул трофейный ствол в седельную сумку, а потом отправился искать белую кобылу Хэнка.

Это было несложно. Подползая, Форман оставил хорошо заметные следы, и по ним Степан вышел на вершину невысокого холма. Здесь было расстелено одеяло. Карабин «шарпс» опирался стволом на крестовину, как ручной пулемет на сошки. Степан воткнул его стволом в землю, к прикладу привязал свой красный платок – по этому ориентиру, видному издалека, можно будет разыскать Хэнка. Это сделают рабочие. Сам Гончар уже и так потратил на него слишком много времени.

В ямке, под пучком травы, он нашел флягу с холодной водой и наконец-то смог напиться вволю, мысленно поблагодарив неудачливого охотника за скальпами.

За холмом стояла белая лошадь. Поводья были привязаны к штыку в земле. Степан ласково похлопал кобылу по шее и, перехватив повод, повел ее за собой в лагерь.

- Сегодня у нас на ужин конина? – спросил Коллинз, но ухмылка вмиг исчезла с его лица, когда он увидел развороченный патронташ Гончара. – Что случилось, Стивен?

- Стреляли. – Степан задрал рубашку, чтобы осмотреть бок. – Ого. Будет роскошный синяк.

- Кто стрелял?

- Он не успел представиться. Придется отправить за ним повозку, сам он придти не может.

Гончар вдруг почувствовал, что не может дышать. Каждый вздох отдавался дикой болью в ушибленном боку.

- Что, больно? – спросил Коллинз. – Надо взять у Мамаши льда. Лучшее лечение – холод, покой и глоток виски. А насчет повозки… Не знаю, Стивен. Гонять мулов туда-сюда? Не проще ли его по-тихому закопать на месте?

- Тогда нам придется и кобылу съесть. По-тихому. Нет, полковник, ни к чему давать повод для новых сплетен. Пусть ребята отвезут тело в город и похоронят на кладбище. Может быть, его кто-то узнает. Например, шериф.

- Палмер вряд ли обрадуется такой посылочке, - заметил старик. – Не будет он приставать с вопросами?

- Не будет. Дело обычное. Парень стрелял первым, из засады. Я ответил. Мне повезло больше, чем ему. Какие тут вопросы?

- Хотите все делать по закону? – Коллинз поднес к глазам патронташ Степана. – Если бы пуля попала в снаряженные патроны, вы бы остались без печенки.

Гончар пожал плечами. Он не стал объяснять Коллинзу, почему в патронташе были только пустые гильзы. А также почему в последнее время он носил в каждом из карманов жилета лишнюю тяжесть - серебряный портсигар, стальное зеркальце, и такую совершенно ненужную в прерии вещь, как медную пепельницу. Не только старику Коллинзу, но и самому себе он бы никогда не признался, что охотно повесил бы на грудь крест-накрест еще пару патронташей, тоже с пустыми гильзами.

- …Говорите, он стрелял из засады, продолжал Коллинз. - А знаете, как на войне мы поступали со снайперами? Мы их обкладывали и брали живьем. Для начала их сажали на ствол собственной винтовки...

- Война давно кончилась, - сказал Гончар.

- Кто вам сказал? – Коллинз вернул ему патронташ. – Людей от работы отвлекать не станем. Я сам отвезу тело в город. А вы ложитесь. Я-то знаю, что такое легкая контузия. Минут через десять вы станете не таким добрым.

6. Ожидание доктора Фарбера

Полковник Коллинз проявлял редкую для католика терпимость к убийству и краже, но невыплату заработка считал тягчайшим смертным грехом. «Убивать иногда приходится, чтобы ценой одной жизни спасти десятки других, - говорил он. – Кража означает только то, что у имущества сменился хозяин, а это дело поправимое. Но когда один человек не заплатит другому за его труд, то он согрешит не против человека, но против Бога. Потому что в душе обманутого работника зарождается ненависть. Он ненавидит обманщика. Ненавидит плоды своего труда, присвоенные обманщиком. Он ненавидит сам труд. В конце концов, он может возненавидеть и Бога, который послал его на грешную землю с одной-единственной задачей – трудиться. Итак, задерживая выплату жалованья, вы совершаете смертный грех. Имейте это в виду, мистер Такер».

Гончар и сам понимал, что надо поддерживать энтузиазм строителей материальным стимулом. Поэтому каждый понедельник его рабочие получали свои десять долларов. На других стройках расчет обычно производился по пятницам, и это вполне устраивало и тружеников, и

содержателей различных заведений, которые окружали каждый рабочий поселок. Но в лагере Коллинза установились иные порядки.

Во-первых, здесь не было двух главных развлечений – карт и женщин. Чтобы перекинуться в покер или потискать крутое бедро, надо было потратить выходной на дорогу в город, да еще успеть вернуться к утреннему разводу. На такие подвиги после рабочей недели почти никто не решался.

Во-вторых, недельное жалованье строителя состояло из двух частей – пять бумажных долларов и пять золотых. Степан Гончар по себе знал, как тяжело расставаться с маленькой, но приятно тяжелой монетой, и был уверен, что строители волей-неволей станут обрастать накоплениями.

Каждое воскресенье он отправлялся в Маршал-Сити, чтобы принять ванну, провести вечер в салуне, а наутро, получив деньги в банке, вернуться обратно на стройку.

Вопреки опасениям Коллинза, шериф не стал приставать с вопросами. Наемный убийца был похоронен на городском кладбище, а на его арабке стала ездить жена Палмера. Гибель Хэнка Формана не привлекла к себе интереса обывателей, потому что горожане были слишком увлечены наблюдением за жизнью маленькой русской колонии, обосновавшейся в отеле Хилтона.

Все уже знали, что князь Салтыков пересек половину континента, от Северной Калифорнии до Вайоминга. Его отряд навестил все фактории, сохранившиеся после упразднения РАК. Компанию-то упразднили, но охотники, жившие на факториях, остались. Они продолжали добывать бобра и куницу, и накопили огромные запасы пушнины. Какую-то часть мехов охотники вынуждены были продавать, чтобы обеспечить свое существование, но и то, что осталось, не могло уместиться в грузовые фургоны экспедиции. Впрочем, князь быстро нашел оптимальное решение. Пушнину свезли к реке и на плотах сплавили к ближайшему городу, который находился в каких-то трехстах милях, а там на нее нашлись оптовые покупатели. Примерно десятую часть выручки князь Салтыков выплатил охотникам. Такой кучи денег они в жизни еще не видели. Никто из них не изъявил желания вернуться в Россию. Они продолжили трудиться на своих факториях, но уже не как слуги государевы, а как вольные стрелки.

Те же деньги, которые остались в распоряжении князя, казалось, не представляли для него никакой ценности. Он расставался с ними легко, как будто это были не доллары, а разрисованные бумажки. И этим навсегда покорил сердца жителей Маршал-Сити.

Впрочем, были и те, кто считал князя несусветным скрягой. Например, хозяина игорного дома денежный поток обошел стороной. Казаки сюда не заглядывали, а сам князь Салтыков и его помощник Домбровский, украшенный шрамом, ни разу не присели за карточные столы, предпочитая другой стол, бильярдный. Они оказались непревзойденными мастерами и бились только друг с другом.

Однажды Домбровский, натирая мелком кончик кия, окликнул Степана, наблюдавшего за игрой:

- Такер, а почему это вы ни разу не сыграли с нами? Говорят, вы никогда не промахиваетесь. Боитесь испортить репутацию?

Если бы это сказал кто-нибудь из местных, такую фразу можно было счесть вызовом. Но на дерзость иностранца не стоило обращать внимания, и Гончар только усмехнулся, ничего не ответив.

- А в самом деле, Стивен, - повернулся к нему шериф Палмер, сидевший рядом за стойкой. – Я никогда не видел, чтобы ты играл в бильярд.

- Не только ты, - сказал Степан. – Этого не видел никто.

- Неужели не умеешь? И не хочешь научиться? – не отставал Палмер. – Попробуй, у тебя должно получиться. А вдруг ты сможешь обставить князя? Новичкам везет. Попробуй, Стивен.

Гончар отставил бокал с пивом и подошел к столу. Домбровский, ободряюще улыбаясь, отдал ему свой кий:

- Вы действительно никогда не играли?

- Никогда.

- Однако кий вы держите правильно, - заметил князь.

- Если верить индусам, многие навыки достаются нам от прежних существований, - сказал Домбровский. – Кем вы были в прошлой жизни, Такер?

- Жизнь начинается каждое утро, - ответил Степан. – Вчера я торговал обувью. Такой ответ устроит?

- У нас, на Западе, - вступил шериф, - разговоры о прошлом ведут только на исповеди. А исповедуются не раньше, чем одной ногой нащупают дно могилы.

Князь расхохотался:

- А раньше и незачем! Ладно, давайте для разминки сыграем в два шара.

Домбровский быстро убрал лишние шары со стола, оставив только желтый и красный.

- Правила крайне простые, - сказал князь. – Бить можно только по красному. Желтый шар должен упасть в лузу. Ваш выстрел первый.

Степан обошел стол, оценивая позицию. Когда-то ему доводилось играть в бильярд. Где это было – в Москве или в Питере? Уже и не вспомнить. Но тот стол был гораздо больше этого, и шары были крупнее, а лузы не такие широкие, как здесь. Он увидел, что шары лежат как раз на одной прямой с лузой, и показал на эту линию кием:

- Могу я ударить так?

- Конечно.

- Но это значит, что я выиграл?

- Пока – нет, - сказал Домбровский. – Вам кажется, что шар покатится прямиком в лузу? Так вас ждет большое разочарование. Если бы все было так просто… Но вы бейте, бейте, сейчас сами все увидите. Только возьмите подставку, с ней вам будет удобнее.

- Мне и так удобно.

Степан, держа кий одной рукой, легонько толкнул красный шар. Тот покатился, стукнулся о желтый – и князь только развел руками:

- Браво, мистер Такер. Быстро же вы со мной справились. Но это был удар фехтовальщика, а не бильярдиста.

Шериф Палмер засмеялся:

- Эх, князь! Дайте Такеру кольт вместо кия, он справится еще быстрее.

- Давайте сыграем по-настоящему. – Князь живо расставлял шары. – Кажется, из вас может получиться приличный соперник.

- Простите, но не сейчас. – Степан отдал кий Домбровскому. – Может быть, когда-нибудь я и захочу этим заняться. Но сейчас мне жаль тратить время. Эта игра слишком простая и ничему не учит.

Князь недовольно нахмурился и поставил кий в гнездо.

- Вам надо играть в русский бильярд. А эти ваши «пул» и «снукер[3]», действительно, детская забава. Вы, американцы, слишком любите облегчать себе жизнь. И игры ваши такие же, облегченные, чтобы особо не напрягаться. Ну, где это видано, чтобы катнуть шар вдоль борта – и он падает в лузу!

- Мы любим комфорт, но дело не в этом, - возразил Степан, чувствуя себя обязанным вступиться за американцев. – Да, пул – не слишком сложная игра, поэтому розыгрыш партии не затягивается, и партнеры сменяются быстро. В результате за вечер все успевают наиграться.

[3] американские разновидности бильярда

А в русском бильярде, как я слышал, можно биться часами. Так что ваш бильярд – для аристократов, а пул – игра народная.

- Не столько народная, сколько коммерческая, - назидательно произнес Домбровский. – Как вы верно изволили заметить, за вечер сменяется множество участников, и каждый оставляет денежки в кассе заведения. Значит, чем проще игра, тем выше доход владельца стола.

- Мой образованный товарищ отравлен не только индуистскими, но и социалистическими идеями, он во всем видит материальную сторону, - сказал Салтыков. – Но мне не хочется вас так легко отпускать, Такер. Какие игры вы предпочитаете? Карты и кости не в счет. Скачки? Может быть, устроим соревнование по стрельбе?

Шериф Палмер заметил сдержанно:

- Стивен недавно уже выиграл одно такое соревнование. Получил главный приз.

- Нет, в самом деле, - сказал Домбровский. – Мы умираем от скуки, и нам еще до самой Пасхи придется торчать здесь. Или вы хотите, чтобы в вашем городе не осталось ни капли спиртного?

- Насчет этого не беспокойтесь, выпивкой мы вас обеспечим, - пообещал шериф. – Ваши парни ведут себя прилично, не задираются. Если человек умеет пить, почему бы не налить ему столько, сколько он способен оплатить?

- И куда вы двинетесь после Пасхи? – спросил Гончар, вернувшись к стойке.

Салтыков уселся рядом, и бармен тут же подвинул к нему бутылку виски.

- Туда, где нас нет, - сказал князь, наполняя стопку. – Хотим отыскать свободный уголок земли, мало-мальски пригодный для землепашества. Вот дождемся одного человека, да и тронемся потихоньку.

- Вы неисправимый оптимист, ваша светлость, - сказал Домбровский. – Дождемся? Я уже не надеюсь на это. Скажите, Такер, сколько дней идет телеграмма до Филадельфии?

- Дней? Обычно ее получают через несколько часов после отправления.

- Слышали, князь? Мы отправили телеграмму две недели назад, и ни ответа, ни привета.

Салтыков залпом выпил виски и закусил соленым орешком.

- Экая дрянь, из куриного помета гонят, не иначе, - пробормотал он по-русски, и, снова перейдя на английский, ответил Домбровскому: - Я уверен, что доктор Фарбер сейчас слишком занят. Но как только он освободится, мы получим ответ. Больше того, я уверен, что он сам приедет сюда, как и обещал.

Степан хотел сказать, что доктор Фарбер теперь живет в Денвере, а не в Филадельфии. Но удержался. «Надо будет завтра с утра отбить телеграмму профессору, - подумал он. - Будет приятно увидеть старика, когда он приедет к своим российским партнерам. Еще приятнее будет, если и маленькая разбойница увяжется за папочкой. Она ведь привыкла держаться рядом с отцом».

- А если ваш профессор не приедет? – спросил Домбровский.

- Значит, отгуляем Пасху и отправимся без него. – Салтыков снова наполнил стопку. Он выпил уже половину бутылки, но выглядел совершенно трезвым. – Я не расслышал вашего ответа, Такер. Ну что, пока мы еще здесь, устроим скачки?

- Без меня. Слишком много работы.

- Жаль, что вы не хотите заняться бильярдом, - сказал Домбровский. – У вас явные способности. Скажите, вы сами догадались, что бить надо точно в центр, или это вышло случайно? Вы рассчитали траекторию?

- Не знаю, - признался Гончар. – Когда целишься, не думаешь ни о чем. Просто видишь мишень. И заранее представляешь, как ты в нее попал. Вот и все. И неважно, чем ты попадешь, пулей, стрелой, или бильярдным шаром. Нужна уверенность. И никаких мыслей.

- Уверенность приходит с опытом. Похоже, вы сожгли не один ящик патронов. Вы охотник? Или бывший военный?

- Я торгую обувью.

Наутро, отправив телеграмму профессору, Степан получил в банке деньги и оправился в лагерь в сопровождении нескольких грузовых фургонов. Переправляясь через реку, он увидел, как ниже по течению салтыковские казаки купают лошадей. Несмотря на довольно прохладный день, они резвились в реке голышом. Выбегая из ледяной воды, казаки стремглав неслись к костру, дымившему на песчаном берегу, прыгали на одной ноге, толкались и боролись, совсем как озорные мальчишки. Гончар живо вспомнил, как и сам в детстве, с нетерпением дождавшись теплого апрельского солнца, уезжал с пацанами в Лисий Нос и там плескался на мелководье, и точно так же прыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха… «Как жаль, что я не с ними, - подумал он. – Скоро они уедут, и я больше никогда не услышу русской речи. Как бы самому не разучиться говорить на родном языке».

7. Рука и сердце

Прошла еще неделя. От города уже протянулась накатанная дорога, и, заметив из лагеря поднятую пыль, по ее виду можно было заранее угадать, кого еще следует ждать к обеду – новый отряд эмигрантов, или возчиков рельсов, или одинокого всадника.

В пятницу Степан объезжал участок, где китайцы утрамбовывали засыпанный песком овражек. Обычно на Западе не тратили время на такие работы. Здесь предпочитали укладывать шпалы прямо на землю, сняв только слой дерна. Мелкие промоины заваливали ветками, а овраги просто обходили. Линия получалась со множеством поворотов, и такая методика очень нравилась поставщикам рельсов.

Но Степан, посовещавшись с Коллинзом, решил все делать основательно, и ни одна шпала не легла на голую землю. Все полотно дороги имело толстую песчаную подушку, благо песка у строителей хватало с избытком после того, как несколько холмов были стерты с лица земли. Пусть дорога росла немного медленнее, зато и расходы не скакали со скоростью лавины. Динамит дешевле рельсов, и рабочее время строителей дешевле ремонтных работ и страховых выплат. На соседних железных дорогах крушения происходили с такой регулярностью, что пора было их уже вносить в расписание.

- С какой скоростью обычно ходят поезда? – спросил Гончар, глядя вдоль блестящей линии рельсов, тянувшейся по берегу озера.

- Хороший локомотив разгоняется до шестидесяти миль на прямой, - ответил Коллинз.

- На нашей ветке они будут делать все восемьдесят.

- Не уверен, не уверен… - протянул старый инженер. – Вы не боитесь, что половина пассажиров не доедет до Денвера из-за разрыва сердца?

- Нет, не боюсь. Ведь они платят за билет перед поездкой, а не после.

Коллинз мрачно усмехнулся и показал плеткой на дорогу:

- Еще кто-то торопится к нам.

Полупрозрачный столб пыли кружился над степью, выдавая одинокого всадника.

Степан направил Тучку к дороге.

- Я жду вестей из города. Проследите, чтобы китайцам сегодня привезли горячий обед. Это не дело, что они перекусывают сухарями и водой.

- Узкоглазые не хотят тратиться на еду. – Коллинз недовольно поморщился. – Стивен, если вы ждете новостей, то они сами найдут вас. Не нравится мне, когда вы разъезжаете в одиночку.

- Тогда давайте протянем телеграфную линию. И я буду целыми днями сидеть у аппарата. Полковник, не волнуйтесь. Я уверен, что это летит Майк. И за пазухой у него лежит теле-

грамма для меня. Знаете, когда ждешь чего-то очень долго, самыми невыносимыми становятся последние минуты.

Он подумал, что Майк и в самом деле мог бы привезти ему телеграмму. От Фарбера, например. Или прямо от судьи Томсона. Все-таки прошло столько времени, пора бы уже и уладить все юридические вопросы. Однако, двигаясь по дороге навстречу всаднику, Степан очень скоро разглядел, что это не Майк.

Гончар положил винчестер поперек седла. Его левая рука лежала на бедре, и пальцы касались рукоятки «ремингтона». Второй револьвер был справа, на виду.

Если его смог отыскать Хэнк Форман, значит, могут отыскать и другие охотники за скальпами. А известие о гибели Хэнка могло только убедить его коллег, что тот был на верном пути. Степан понимал, что его еще долго не оставят в покое, и поэтому не расставался с оружием.

Он узнал пегую лошадь шерифа по белой груди и черным ногам, но в седле был не Палмер, а кто-то другой. К тому же шериф не любил быструю езду, а этот невысокий наездник мчался во весь опор. Гончар развернул Тучку поперек дороги и встал. Ему уже было видно, что лицо всадника наполовину закрыто красным платком, а из-под шляпы спускаются к плечам две косички. Индеец? Или женщина? Не может быть…

Всадница резко осадила кобылу, и та закружилась на месте.

- Кто тебя предупредил? – обиженно выкрикнула Милли, задыхаясь после скачки. – Я так хотела тебя удивить! А ты сам выехал мне навстречу!

- Ты меня удивила. – Он подъехал к ней так близко, что их колени соприкоснулись, а Тучка недовольно фыркнула, уворачиваясь от хвоста пегой кобылы. - Разбойница, я не верю своим глазам. Может быть, это мираж? Ущипни меня, если ты настоящая.

Она ударила его плетью по бедру.

- Стивен, Стивен, если б ты знал, как я соскучилась. Ты не должен был так поступать со мной.

- Да ты вся в пыли, - сказал Гончар и осторожно коснулся пальцами ее лба. – Дай вытру. А то тебя могут принять за краснокожего.

Милли сдернула платок, открывая лицо, и сняла шляпу.

Степан нежно обхватил ее шею, потянулся к ней и поцеловал в нос.

- Холодная какая!

Она закрыла глаза и замерла. Кровь зашумела в голове Степана, и он поцеловал Милли. Ее тонкая рука вдруг обвила его шею, и мягкие губы раздвинулись. Но в следующую секунду девушка отпрянула с возмущенным возгласом:

- Что за глупости!

Гончар перехватил поводья ее лошади.

- Зачем ты едешь в лагерь?

- Хотела увидеть тебя.

- Увидела?

- Стивен, ты не понимаешь. Я хотела посмотреть, как ты устроился, как идет работа, как ты командуешь строителями. В Маршал-Сити тебя считают героем, вроде Джорджа Вашингтона. Отец-основатель. Мэр долго тряс папе руку и благодарил за то, что он тебя послал в этот городишко.

- Отец знает, что ты у меня?

- Конечно.

- И он так спокойно тебя отпустил?

Мелисса пожала плечами.

- А что такого? Я сама решаю, куда мне ехать. С тех пор, как умерла мама, в нашей семье одна хозяйка – я. Ах, да, ты же еще не знаешь…

- Не знал. Когда?

- В канун Рождества, - спокойно ответила Милли. – Она не мучилась. Две недели пролежала в постели, и однажды попросила вызвать священника. Сразу после причастия закрыла глаза, улыбнулась и затихла.

- Не знаю, что сказать… Мне очень жаль, - сказал Степан, вспоминая мягкий голос и ласковую улыбку Оливии Фарбер. – Она была замечательным человеком.

- Да. И она тебя любила. Мы все тебя любим, Стивен. А ты от нас прячешься.

- Не от вас.

- Поехали к тебе. У тебя отдельная палатка?

- Да. У нас с Коллинзом отдельная палатка.

Она вздохнула:

- Ты ничего, абсолютно ничего не понимаешь. А если к тебе приедут гости, ты их положишь спать с Коллинзом?

- У нас много места, и есть складная кровать. Но ко мне не приезжают гости. Где вы остановились? В «Серебряной звезде»?

- Нет, у князя. Папа собирается через месяц отправиться с ним в горы. Наверно, я тоже поеду с ними. А ты?

Степан кивнул в сторону насыпи, на которой звонко стучали молотками укладчики пути.

- Я не могу уехать.

- Ах, извините, мистер Такер! Я совсем забыла, что без вас тут все рухнет.

Она поджала губы, отвернулась и хлопнула коленями по бокам кобылы, подгоняя ее. Степан остался позади, но не стал торопить Тучку. Он знал, что Милли не выдержит больше минуты. Так и вышло.

- Ты даже не спросишь, как я жила все это время. – Она оглянулась, сердито сдвинув брови. – Может быть, я вышла замуж, а ты делаешь вид, что тебе все равно.

- Не знал, что в Колорадо разрешено заключать браки с детьми.

- Вот опять! Ты даже не знаешь, что мне уже семнадцать лет! Я уже сто раз могла обзавестись мужем!

- Но не обзавелась, надеюсь?

- Ну, тогда я бы не приехала. А ты тут не женился, случайно? Может быть, завел индейскую жену?

- Нет, не завел.

- Тогда кто за тобой ухаживает? Кто стирает твои рубашки?

- У меня их всего две.

- Две? Какой ужас. У мужчины должна быть дюжина сорочек.

- С дюжиной я не справлюсь.

- Подумаешь! Мы с мамой и Роситой обстирывали целую толпу землекопов, когда стояли на Йеллоустоне.

- Подходящее занятие для профессорской дочки.

- Мой муж будет каждое утро надевать свежую сорочку, - твердо сказала Милли. – И дети никогда не выйдут из дома в грязном платье. Если у нас не будет денег на прачку, я все буду стирать сама.

- У нас будут деньги на прачку, - сказал Гончар и осекся.

В последнее время он часто ловил себя на том, что размышляет вслух. Уединяясь на своем излюбленном холме, он не имел других собеседников, кроме Тучки. Той-то было все равно, о чем бормочет хозяин. А вот Мелисса…

- Что? – она остановилась. – Как понимать ваши слова, мистер Такер?

Он смущенно поскреб бороду.

- Ну… Я тоже люблю чистую одежду.

- Ах, вот оно что. – Девушка высокомерно вскинула голову. – А мне послышалось что-то другое.

Она хлестнула плеткой кобылу, но Гончар снова нагнал и перехватил ее поводья, не давая вырваться вперед.

- Нет, постой, разбойница. Тебе не послышалось.

«Что я делаю! – с отчаянием подумал он. – Она еще ребенок, она ничего не понимает, и ничего не видела в жизни. А вдруг она откажет! А вдруг согласится! И что тогда? Где нам жить? И что с ней будет, если меня завтра убьют?»

Но он уже не мог остановиться, и, отдышавшись, выпалил:

- Я сказал, что у нас с тобой всегда будут деньги на прачку, потому что не хочу, чтобы моя жена погрязла в стирке. Я хочу, чтобы у моей жены были нежные мягкие руки, и чтобы она не изматывала себя домашним трудом. И я хочу, чтобы моей женой была ты.

Милли покраснела, опустив глаза.

- Ну вот, теперь ты все знаешь, - с облегчением выдохнул Степан. – Не представлял даже, что смогу сделать тебе предложение. Ничего более трудного в моей жизни еще не было.

- И ничего более глупого, - отозвалась она. – Стивен, Стивен…

Она вытерла глаза кулаком.

- Только без слез, - попросил он.

- Да это ветер.

Милли отвернулась и всхлипнула.

- Я думала, что все будет не так. А где же колечко?

- Прости, я не ожидал увидеть тебя сегодня. Ну, прости меня, прости. Я обещал твоему отцу, что не появлюсь у вас до осени. Тогда я бы все сделал иначе. С колечком, с цветами, я бы надел фрак и привел бы с собой музыкантов… - Он обхватил ее за талию и привлек к себе. – Я бы встал перед тобой на колено и сказал: «Мелисса Фарбер, согласишься ли ты когда-нибудь стать моей женой?»

- Соглашусь, - сказала она, отталкивая его. – Но, Стивен, на нас смотрит вся стройка.

- Пусть смотрят. Им все равно предстоит гулять на нашей свадьбе.

Он решительно развернул Тучку.

- Поехали в город, сейчас же. Не знаю, как тут у вас обставляют помолвку, но, кажется, я должен немедленно поговорить с профессором.

Мелисса улыбнулась, вытирая мокрое лицо шейным платком:

- Для этого не надо ехать в город. Папа сам уже направляется сюда. Просто я скакала немного быстрее, чем они с князем.

8. Земли неубитых индейцев

Всего за одну зиму Фарбер состарился так, что Степан не сразу его узнал. Профессор ехал рядом с князем, безучастно глядя перед собой и, казалось, не замечал ничего вокруг. Но, когда Гончар подскакал к гостям, Фарбер первым протянул ему руку и сказал:

- Рад, что вы послушались меня и не уехали в Мексику.

- Примите мои соболезнования, док, - неловко выговорил Степан. – Милли мне уже все рассказала.

- Все мы смертны, - Фарбер пожал плечами. – Но мы с вами живы, так займемся делами живых. Я хотел представить вас князю, но вы, оказывается, уже знакомы.

- Немного.

Салтыков укоризненно произнес:

- Это вы называете знакомством, Такер? Я только сегодня узнал, что вы не простой обыватель, а знаменитый проводник. От знакомых не принято скрывать свои занятия.

- Я давно уже не проводник, и никогда не был знаменитым.

Строители ненадолго отвлекались от работы, оглядываясь на кавалькаду. Салтыков с тремя казаками задержался у въезда в лагерь, а Гончар, Милли и профессор подскакали к палатке, над которой развевался звездно-полосатый флаг.

- Вот мой дом, - сказал Гончар. – Добро пожаловать в «Форт-Коллинз».

- Вы делаете успехи, Питерс, - сказал профессор, оглядываясь. – Дорога растет с поразительной скоростью. Кажется, скоро мы будем ездить к вам в гости не на дилижансе, а в пульмановском вагоне.

- Папа, может быть, тебе и не придется ездить в гости к Стивену, - вставила Мелисса, дергая Гончара за рукав. – Он хочет тебе что-то сказать. Ну, говори, пока нам никто не мешает. Это же такой особенный, очень личный разговор, верно?

Степан замешкался. Объяснение с Мелиссой получилось как бы само собой. Говорить же о помолвке с ее отцом – эта работа казалась ему просто непосильной. Но Фарбер его выручил.

- У нас будет еще время для очень личных разговоров, - сказал профессор. – Сначала – о деле. Стивен, у князя накопились вопросы, ответить на которые можете только вы.

Князь Салтыков был настоящим аристократом, хотя по виду и не отличался от своих казаков. Его благородное происхождение проявлялось только в манерах и речи. За стойкой в салуне он изъяснялся на таком же простецком языке, как и все прочие посетители, но теперь, когда его собеседником был профессор Фарбер, князь перешел на изысканный английский, каким владеют только дипломаты.

Правда, спешившись возле палатки Гончара, Салтыков первым делом негромко обратился к сопровождавшему его казаку, и обратился по-русски. Очень по-русски. Казак густо покраснел и, не оправдываясь, выслушал хозяина, а после, отводя лошадей к коновязи, даже поеживался после взбучки. А князь, повернувшись к Фарберу, снова заговорил на языке Диккенса и Теккерея:

- Прошу меня извинить, профессор. Я вынужден был дать несколько особых распоряжений. Мой конь прихрамывает из-за того, что у него разболталась подкова, и под нее попал камень. Я предупредил своего работника, что впредь он должен несколько внимательнее относиться к лошадям.

Степан едва сдержал ухмылку. Князь не счел нужным переводить свои слова про страшные кары, связанные с сексуальным насилием, которые ожидали нерадивого казака в случае повторения подобных оплошностей.

Пройдя в палатку, Салтыков сразу же направился к столу и расстелил на нем карту, извлеченную из-за голенища.

- Я полагаю, что цели и задачи нашей экспедиции известны всем присутствующим, поэтому не будем тратить время на дипломатические преамбулы. Взгляните на карту, мистер Такер…

- Стивен, - поправил князя Гончар. – Зовите меня по имени, ваша светлость.

- Никаких «светлостей», просто «князь». Идет? Так вот, Стивен, для начала я задам вам вопрос, который задаю каждому. Не встречались ли вам в ваших путешествиях по Западу деревни или одиночные фермы, где бы жили русские? Их иногда путают с чехами и поляками…

- Я не спутаю русских ни с кем, - сказал Гончар. – Могу сказать точно. В Дакоте, Вайоминге и Небраске я не встречал эмигрантов из России.

- А в Колорадо?

- Те места я знаю хуже. Но и там я никогда даже не слышал о русских.

- Что ж, примем к сведению… - Князь задумчиво почесал карандашом бороду и снова наклонился над картой. – Посмотрите сюда. На этой карте, как видим, нет никаких границ.

Тем не менее, все местные жители прекрасно знают, где им можно пасти скотину, а где нельзя. Я имею в виду территории, которые граничат с владениями индейцев. Можете ли вы сейчас взять карандаш и хотя бы приблизительно очертить на карте эти владения?

- У индейцев нет никаких владений. Если речь идет о резервациях, то федеральное правительство устроило их далеко отсюда.

- Резервации меня не интересуют. Мне важно знать, на каких участках земли могли бы устроиться новые переселенцы.

- Это зависит от того, чем они будут заниматься. Для скотоводов подойдет один район, для землепашцев – другой. С такими вопросами надо обращаться в Географическое управление. К землемерам, к юристам. В общем, к правительству Соединенных Штатов, а не ко мне.

- Я полагал, что вся эта земля принадлежит индейцам, - сказал князь, разглаживая карту ладонью. – Насколько мне известно, Вайоминг не входит в союз американских штатов. Поэтому договариваться мы будем не с правительством, а с местным населением. Причем с коренным населением, то есть с самими индейцами.

Профессор Фарбер откашлялся, прежде чем вступить в разговор.

- Все не так просто, дорогой князь. Индеец часто просто не может понять, как земля может принадлежать кому-нибудь. Он очень хорошо понимает, что ему принадлежит лошадь, винчестер, женщина – все то, что он может взять с собой. Но земля… Индеец скорее скажет, что это он принадлежит земле. И все наши договоры с ними надо понимать именно так – краснокожие уступали нам право *принадлежать* какому-то участку территории. Мы умрем, или уйдем отсюда, а земля останется.

- Люди, которые поселятся здесь, никуда не уйдут, - сказал князь. – Им некуда уходить. И, между прочим, их отношение к земле ничем не отличается от индейского.

- Есть и еще одна сложность, - продолжал Фарбер, - не столько философская, сколько юридическая. Мне кажется, ваши представления о порядке землепользования несколько устарели. Да, Вайоминг в настоящее время имеет статус Территории, и влияние федерального правительства здесь минимально. Однако позвольте напомнить, что западная граница Соединенных Штатов до сих пор не определена. Она постоянно смещается, и вполне возможно, что уже через несколько лет ваша сделка с индейцами, даже если она состоится, будет признана незаконной.

- Отчего же? – вмешался Домбровский.

- Оттого, что у этой земли будет новый владелец – государство.

- Хотите сказать, что мы торопимся? Делим шкуру неубитого медведя? – Домбровский повел ладонью по карте, словно стряхивая с нее крошки. - Я понимаю, что для Вашингтона очень удобна неопределенность границ. Индейцы не могут построить великую китайскую стену, чтобы раз и навсегда разделить континент с белыми пришельцами. Но как только мы заключим с ними сделку, как вы выражаетесь, и построим первый дом на этой земле – всё, с этого момента будьте любезны договариваться уже не с кочевниками, а с нашими оседлыми земледельцами. А уж те поднаторели в прокладывании межей и воздвижении заборов.

- Но есть постановление Конгресса, которое объявляет все незаселенные земли от Атлантики до Западного океана собственностью правительства, - не сдавался профессор.

- Обычный трюк земельных спекулянтов, занявших государственные кресла, - с усмешкой заявил Домбровский. – Что такое незаселенные земли? Откуда чиновник в Вашингтоне может знать, что тот квадратик на карте, который он продает за тысячу долларов, никем не заселен? Не сомневайтесь, профессор. Наши люди заселят любой участок, дай им только волю. Заселят, расплодятся и расползутся во все стороны. И от Атлантики до Западного океана будет звучать русская речь.

- Это смелый исторический эксперимент, вот и все, что я могу сказать в ответ, - сдался Фарбер.

- Профессор, даже я никогда не спорю с Домбровским, - признался князь и снова наклонился над картой. - Итак, Стивен, что вы скажете, к примеру, вот про эту долину к северо-западу от озера?

Гончар глядел на извилистые линии и блеклые краски карты, пытаясь вспомнить, как выглядели эти места. Медные холмы, голубые горы и изумрудные озера в обрамлении серебристой полыни…

- Там можно встретить стоянки оглала.

- Кто такие оглала?

- Кочевники и охотники. Одно из племен народа, который называется дакота.

- А здесь, восточнее?

- Раньше здесь всегда жили сиссетоны.

- Не знаю таких.

- Оседлые земледельцы. Тоже из дакоты. Их еще называют сиу.

- Сиу? О, про этих-то я слышал. Много слышал. К ним тут относятся так же, как к апачам в Калифорнии. С такими соседями будет непросто договориться. Но ведь сиу – кочевники, а вы говорите, что они возделывают землю.

- Сиссетоны, дакота, оглала, черноногие, бруле, хункпапа, лакота, тетоны… Я мог бы перечислять долго. Все эти племена называют общим именем «Сиу». Но общим для них всегда был только язык. У них разные обряды, разный образ жизни. Иногда они воюют между собой, чаще – со своими соседями. За что и получили такое название. Ведь «сиу» на языке оджибвеев означает «враг». Кстати, и «апач» значит то же самое, только уже по-арапахски.

- Я не хочу сеять вражду из-за земли, - сказал князь. – Мы умеем договариваться. Значит, говорите, здесь живут сиссетоны? Так и запишем.

Салтыков обвел участок на карте и надписал его.

- Пошли дальше…

Уступив настойчивости князя, Гончар рассказывал о племенах, с которыми когда-то пересекались его пути. Он и сам диву давался, как много случилось таких встреч, и какими разными они были. Одно лето он прожил с женщиной из племени бруле, и научился сносно изъясняться на языке сиу. Их ближайшими соседями были черноногие, с которыми бруле общались только на расстоянии винтовочного выстрела. Гончар так и не увидел ни одного, потому что тех, кого ему удалось подстрелить, сородичи утаскивали с собой.

Князю, как видно, захотелось показать, что он тоже кое-что знает о коренных американцах. Он рассказал о тлинкитах и алеутах, с которыми целый век воевали русские на Аляске, и даже показал диковинный кинжал с двумя клинками. Верхнее лезвие, короткое, было режущим, а нижнее – колющим, как стилет. Рукоятка между клинками была обмотана блестящим черным шнуром, сплетенным из человеческого волоса.

- В бою тлинкиты привязывают кинжал к руке, - сказал князь. – Даже у убитого не вырвешь.

- Это подарок? – спросила Мелисса.

- Тлинкиты не дарят оружие, - ответил Салтыков. – Они вообще не обмениваются подарками. Дарящий проявляет слабость. А слабых надо грабить. Будем надеяться, что у сиу немного другая жизненная философия.

- Другая, - согласился Гончар. – Но враг – не самый плохой сосед. По крайней мере, ясно, чего от него можно ждать. А сиу – непредсказуемы. Никто не знает, как они поведут себя через год. Конечно, поселенцы могут рассчитывать на помощь армии. Но в каждом дворе не поставишь часового.

- Армия? Это не для наших. Нет, мы обойдемся без военных действий.

Они просидели над картой до обеда. Но когда послышались звонкие удары по рельсу, князь и Фарбер отказались от угощения.

- Нам надо спешить обратно. – Князь ловко свернул карту. – Завтра с утра выступаем. Переход небольшой, через пару суток вернемся, но надо все еще сто раз проверить. Знаете, как говорят в армии? Идешь в поход на день, бери патронов на неделю.

- А я должен как можно скорее вернуться в Денвер,- сказал профессор. – Шериф Палмер отвезет нас на станцию и посадит на поезд.

- Позвольте мне проводить вас хотя бы до города.

- Зачем? Вы и так уделили нам слишком много времени.

Но Гончар уже был в седле.

Они с Мелиссой ехали впереди, далеко оторвавшись от остальных всадников.

- Ты сердишься на меня?

- Нет. Это даже хорошо, что ты не успел поговорить с папой. Он еще не готов, понимаешь? Была бы жива мама… Если я выйду замуж, он останется совсем один. Да, хорошо, что мы ничего ему не сказали.

- Я обещал ему, что не появлюсь в вашем доме до осени, - сказал Гончар. – Вот осенью и поговорим. К тому времени многое изменится.

- И тогда ты сбреешь свою ужасную колючую бороду?

- Обещаю.

- А почему ты отказался помочь князю? Он хороший. И без проводника ему будет трудно.

- Он прошел без проводника половину континента. Не волнуйся за него.

- Я волнуюсь не за него, а за тебя. По-моему, ты ведешь себя не слишком осторожно. Если бы я была в розыске, я бы лучше ушла с экспедицией, чем жить на виду.

- Не волнуйся, я буду осторожен.

- Теперь ты должен быть еще осторожнее, чем раньше. Представь, в каком идиотском положении я окажусь, если тебя убьют.

- Да, тебе не позавидуешь.

Она покраснела и снова обиженно замолчала. Тишину нарушал только мягкий топот копыт и поскрипывание сбруи. Гончар хотел сказать что-нибудь ласковое и веселое, но Милли приложила палец к губам:

- Послушай, как поет…

Кто-то из казаков негромко затянул песню.

Черный ворон, друг залетный,
Где летал так далеко?
Ты принес мне, черный ворон,
Ручку белую с кольцом.
Вышла девка на крылечко,
Пошатнулася слегка.
По кольцу она узнала,
Чья у ворона рука.
То рука ее милого
Знать, убит он на войне,
Он убитый, незарытый,
В чужедальней стороне.
Его кудри золотые
ковылями зарастут,
Его очи голубые
васильками расцветут.
Кости белые в пустыне
Будет дикий зверь глодать

А душе его по свету
Неприкаянной летать…
Но пришел туда с лопатой
Милостивый человек
И зарыл в одну могилу
Двести сорок человек
Он поставил крест дубовый
И на нем он написал:
«Слава доблестным героям
Забайкальским казакам!»

Милли слушала хрипловатый тенор, задумчиво вплетая в гриву кобылы розовую ленточку. Когда казак умолк, она повернулась к Степану:

- Ты говорил, что немного понимаешь по-русски. О чем он пел?

- Это солдатская песня, - ответил Степан.

- Я сама понимаю, что не ария из оперы Верди. Ты можешь по-человечески ответить? О чем он пел?

- Перевести тебе? Пожалуйста. Девушка увидела, что ворон в клюве несет человеческую руку. Кисть. На пальце осталось колечко. И девушка его узнала. Она поняла, что ее любимый погиб, и его труп где-то там, в чужом краю, лежит под солнцем и ветром, и его кости достались воронам и койотам.

- Какая грустная песня.

- Да, грустная. Но у нее хороший конец.

- Девушка ошиблась? И ее милый вернулся?

- Нет. Милый не вернулся, потому что его и в самом деле убили на войне. Но он не остался непогребенным. Пришел добрый человек и похоронил его. Вместе с остальными убитыми. Вот такой хороший конец.

- Что же здесь хорошего?

- Ну, ведь могло быть и хуже.

- Что может быть хуже смерти?

- Много чего.

- Ты прав, это солдатская песня. Можешь попросить его спеть еще что-нибудь? А то я так и буду думать об этой девушке. Она отняла у ворона эту руку?

- В песне об этом не сказано. Наверно, отняла. Хотя ворон – птица серьезная. Он ведь мог и голову принести, а не только руку.

- Да, ворон птица серьезная, гораздо серьезнее, чем некоторые люди. Ну, что ты опять смеешься? А знаешь, когда мы поженимся, папа будет жить с нами. Ты же понимаешь, я не могу его бросить. Ты не против?

На этот раз дорога показалась Степану удивительно короткой. Он не успел толком и поговорить с Мелиссой, а лошади вдруг сами остановились на городской площади. Там уже стоял дилижанс, ожидавший профессора, и помощник шерифа прохаживался вокруг с дробовиком на плече.

- Мы прощаемся ненадолго, - сказал Фарбер. – Через две-три недели увидимся. Я буду сопровождать князя. Подумайте, Стивен, может быть, вы все-таки отправитесь вместе с нами?

- Я подумаю.

Он церемонно поцеловал руку Мелиссе и вскочил в седло.

- Мистер Такер, не забывайте о своем обещании, - сказала она, выглянув из-за двери дилижанса.

«Что я ей еще успел пообещать? Ах да, что буду осторожным», - вспомнил Степан.

Шериф Палмер с винчестером в руках запрыгнул на козлы и уселся рядом с кучером.

- Такер, не ожидал тебя тут увидеть! – весело крикнул он. – Если останешься ночевать, не ложись слишком рано. Лучше сыграем вечерком в покер. Договорились?

- Ладно, дождусь, - пообещал Гончар.

Выезжая из лагеря, он не собирался оставаться в городе. Но, видимо, у шерифа был к нему важный разговор.

Степан отвел Тучку в конюшню и попросил дать ей побольше овса: кобыла сегодня весь день провела под седлом.

- Вашу лошадку искали, мистер Такер, – негромко сказал негр-конюх. – Спрашивали меня про нее. Описали точь-в-точь, до последнего пятнышка над левым глазом. Я и не помнил про это пятнышко, а как сказали, так сразу само собой вспомнилось. Видно, этот мистер хорошо вашу лошадку знает.

- И что ты ему сказал?

- Чистую правду, мистер Такер. Я же всегда говорю чистую правду. Так прямо и сказал, что в моей конюшне таких лошадей отродясь не стояло. Вы же ее у Хилтона держали, а потом в лагере.

- А у этого мистера не было пятнышка над левым глазом?

Негр не улыбнулся шутке, ответив тихо и серьезно:

- Невысокий, худой, нос длинный, глаза у самой переносицы. Все время улыбается, и все время руки на поясе. А на поясе два револьвера, и оба со спиленными мушками. Знаете такого?

- Знал когда-то, - сказал Гончар. – Я знал многих таких. Со спиленными мушками.

- Он не один, - добавил негр. – С ним был второй. Стоял за спиной и все подсказывал насчет вашей лошадки. И первый называл его Штерном. А тот его – Карлом. Смешное имечко, да, мистер Такер? Карл. Ладно бы Карлос, Карлито или хотя бы Карло. А то – Ка-а-арл.

- Да, забавное имя, - сказал Гончар. – Ты бы слышал, как зовут этого Штерна. Обхохочешься. Знаешь, как? Фредерик.

- Фредерик! Чего только не придумают, - облегченно вздохнул негр. – Так эти парни – ваши знакомые?

- Мы почти родственники, - ответил Степан Гончар.

9. Поправка к жизненным планам

«Так вот что означали слова шерифа, - думал он, направляясь к себе в отель. – Палмер хотел, чтобы я не уезжал один в лагерь. Он заметил чужаков. Опасных чужаков. Конечно, он не мог мне сказать об этом открытым текстом. Но – спасибо и за такое предупреждение».

Он решил, что наемный убийца, скорее всего, уже обследовал дорогу между лагерем и городом. Возможно, он уже выбрал место для засады. Возможно, что он уже на месте. Между прочим, он там не один – Фредерик Штерн тоже отличный стрелок. У него твердая рука и цепкий глаз художника.

Значит, по всему выходит, что завтра на рассвете, как только мистер Такер, он же Стивен Питерс, появится на дороге, ему предстоит еще раз испытать судьбу.

К такому событию следовало основательно приготовиться, и Гончар, придя в номер, сразу же попросил набрать ему ванну. Он постоял перед зеркалом, задумчиво дергая себя за короткую бородку. Потом решительно достал из саквояжа бритву и помазок. Если Штерн здесь, он опознает Степана в любом виде, хоть с бородой до колена, хоть в напудренном парике. Значит, можно побриться. И тогда, при новой встрече с Мелиссой, он будет целовать ее смело, не боясь исколоть щетиной ее детскую кожу.

Стоило ему только подумать о ней, как все тревоги отступили. Он знал, что все будет хорошо. Рано или поздно все как-нибудь уладится. Можно построить новый дом, или купить особнячок в Денвере. И почему обязательно в Денвере? Жить можно везде, были бы деньги, да голова на плечах. Можно торговать обувью, строить дороги, издавать газету – никто не помешает, ни у кого не надо спрашивать разрешения. Делай то, что нужно людям, зарабатывай деньги и дай заработать другим. Так поступают свободные люди в свободной стране, к тому же, в стране неограниченных возможностей. В конце концов, Степан охотно согласился бы путешествовать вместе с профессором, если тому не сидится на месте. Они неплохо сработались, и Милли отлично держится в седле, и вокруг еще столько неисследованных земель – хватит на всю жизнь.

Отправляясь вечером в салун, Гончар уже распланировал несколько ближайших лет. После окончания прокладки железной дороги он подскажет Фарберу, что есть смысл поискать нефть в Техасе. Сейчас об этом никто и не думает, а лет через десять уже будет поздно. Наверно, где-то в Детройте никому не известный паренек по имени Генри Форд уже мастерит деревянные автомобильчики. Скоро Америке потребуется бензин, а не керосин для уличных фонарей. Скоро земля в Техасе будет стоить дороже, чем в Нью-Йорке. Но пока об этом никто не знает.

Среди завсегдатаев салуна Гончар разглядел Кевина, помощника шерифа, и подсел к нему с кружкой пива.

- Тебя и не узнать без бороды, - сказал Кевин. – В честь чего такие перемены? Собрался жениться?

- Может быть. Шериф еще не вернулся?

- Скоро будет.

- Я смотрю, в городе много новых людей. Прибавилось работы?

- Не то чтобы очень. Вчера была драка. Да в среду джентльмен из Канзаса пытался сорвать банк краплеными картами. Отправили его обратно в Канзас, без карт, ну и без штанов. Вот и все. Нет, Стивен, работы не прибавилось. Я уже забыл, когда последний раз в нашем городе раздавались выстрелы.

Слушая Кевина, Степан пытался рассчитать, во что обойдется экспедиция в Техас. Конечно, ее следовало организовать за свой счет. Никакого государственного финансирования, никаких посторонних участников. Найденные месторождения – а они обязательно будут найдены – должны приносить доход только компании «Фарбер и Питерс». Или «Фарбер и Такер», если имя Стивена Питерса к тому времени еще не вычеркнут из списков разыскиваемых преступников.

Кевин вдруг замолчал и встал из-за стола.

- Опять они тут, - недовольно пробурчал он, поправляя латунную звезду на жилете. – Вчера приставали к Палмеру, сегодня за меня, видать, решили взяться. Пива не дадут попить спокойно. Пойду, потолкую с ними.

- Кто такие?

- Да ищейки из Колорадо. Вон они сидят в уголке, зовут меня. Самим им сюда подойти, конечно, гордость не позволяет.

Гончар не стал оглядываться, чтобы рассмотреть сыщиков. Он сидел спиной к выходу и мог наблюдать за происходящим, глядя в зеркальную витрину бара. Угол салуна отсюда не просматривался, но если оттуда кто-то выйдет, Степан успеет его заметить. Это хорошо. Плохо то, что сам он не успеет дойти до выхода. Они сидят ближе к двери, и перехватят его.

«Кажется, поиски техасской нефти придется отложить», - подумал он.

Гончар вытянул из кармана рубашки сигару и отрезал кончик складным ножом. Чиркнул спичкой, затянулся и выпустил облако дыма. После всех этих манипуляций открытый нож незаметно оказался в рукаве. На всякий случай. Он не знал, как здесь принято арестовывать.

Однажды в Юте Гончар помогал местному шерифу задерживать беглого каторжника. Тому связали и руки, и ноги, да еще пропустили веревку вокруг шеи и привязали к щиколоткам, так что бедолага не мог и шелохнуться. Опутанного веревками, его закинули в фургон и отправили к месту судопроизводства, в Орегон. Позже Степан узнал, что парню все равно удалось выпутаться и сбежать, прихватив все, что было в фургоне. «Наверно, он припрятал нож в рукаве», - сказал тогда шериф из Юты. И Степан запомнил эти слова. Он старался запоминать все. На всякий случай.

Впрочем, пока он еще не был опутан веревками, и наручников на запястьях тоже пока не наблюдалось. Зато наблюдались неприятные перемены в окружающей обстановке. Трое пьяниц, сидевшие за стойкой бара, вдруг соскочили с высоких табуретов и, оглядываясь, побрели к выходу. Бармен зачем-то снял с верхней полки хрустальный кубок, приз за меткую стрельбу, и принялся протирать его тряпкой, а потом поставил не на старое место, а куда-то под кассу. В зеркале Степан видел, что распашная калитка салуна качается туда-сюда. Наконец, входная дверь гулко хлопнула, выпустив на улицу последнего посетителя. В салуне остались только Гончар и трое за угловым столом.

«Да, давненько в нашем городе не было слышно выстрелов», - подумал Степан, стараясь унять легкую дрожь в груди. Его всегда немного знобило перед схваткой.

Он подошел к стойке и бросил монету на блюдце для мелочи.

- Налей-ка мне еще пива, старина.

Бармен поставил перед ним полную кружку, боязливо скосив глаза.

- Не нравятся мне эти приезжие хмыри, - пробормотал он. – Не к добру у нас такие гости. Сдается мне, они тут кого-то поджидают. Шли бы вы домой, мистер Такер.

- Я жду, когда шериф вернется со станции. Он собирался перекинуться со мной картишками.

- Палмер давно вернулся, - сказал бармен. - Дилижанс проехал час назад. Если вам нужен шериф, он наверняка сейчас сидит у себя в участке.

- Спасибо, старина.

Гончар не прикоснулся к пиву, дымя сигарой. Шериф приехал. Вчера с ним говорили сыщики. И сегодня он попросил, чтобы Гончар подождал его в баре.

Степан увидел свое отражение в зеркальной витрине, между бутылками. Лицо его казалось красным, словно он вошел в теплый салун с мороза. «Вот, значит, как я выгляжу, когда начинаю кипеть от злости, - подумал он. – Видел бы меня сейчас Майвис. Замучил бы насмешками. Ему-то что, у него морда кирпичная, злись не злись, ничего на ней не видно. Хорошо быть краснокожим… Нет, надо сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. Надо успокоиться. Не ожидал, что шериф такой мудак. Зачем он меня подставил? Неужели из-за премии? А что тут удивительного? Приехали сыщики, показали афишку с моим портретом. А если один из этих ребят – Штерн, то он мог еще и порассказать о моих злодействах, сколько шерифов я перебил за последний год… Кстати, о Штерне. Если он здесь, то я могу с ним рассчитаться. Все складывается просто отлично».

Он немного развернулся, чтобы видеть тех, кто расположился в углу. Нет, Штерна среди них не было. Рядом с Кевином сидел тип, которого довольно точно описал конюх – узко посаженные глаза, длинный нос, тонкие губы растянуты в улыбке. Второй сыщик был плотным, с обритой головой. Под мясистым носом – лихо закрученные усы.

Они увидели, что он смотрит на них, и замолчали. Кевин поправил латунную звезду и откашлялся, собираясь что-то сказать. Но не успел.

Гончар выхватил оба своих револьвера и направил стволы на сидящих в углу.

- Спокойно, Кевин, - сказал он. – Руки на стол. Все трое, руки на стол. Пожалуйста. Вот так. А теперь встаньте.

- Такер, ты что? – дрогнувшим голосом спросил помощник шерифа.

- Потом объясню. А сейчас, джентльмены, пожалуйста, расстегните ваши оружейные ремни. И пусть все, что на них висит, упадет на пол.

- Питерс, не дури, - спокойно, продолжая улыбаться, произнес длинноносый. – Мы тут не для того, чтобы с тобой стреляться.

- А никто и не будет стрелять, если вы будете вести себя хорошо, - сказал Гончар, медленно отступая к лестнице, ведущей на второй этаж.

Он подозревал, что на выходе его может ожидать шериф. Поэтому лучше воспользоваться другим путем отхода.

Оружие с лязгом свалилось на пол.

- Что дальше? – спросил Кевин. – Стивен, брось. Давай все обсудим.

- Чуть позже. Сначала, ребята, перейдите за соседний столик. С поднятыми руками, пожалуйста.

Когда они, прижимаясь к стенке, отошли от своего стола, Степан разглядел, что у обоих под пиджаками блестят наручники.

- Кевин, к тебе еще одна просьба. Ты умеешь пользоваться браслетами? Надень их на этих джентльменов.

- Это уж слишком, Стивен! – возмутился Кевин. – Ты делаешь меня сообщником!

Гончар резко выбросил вперед руку, и все трое отшатнулись, испуганно отворачиваясь от револьвера.

Бритоголовый прошипел:

- Делай, что он приказывает! Все равно ему некуда деваться!

«А ведь он прав, - подумал Гончар, краем глаза следя за входом. – Деваться-то некуда. В лагере они меня достанут. Уехать куда глаза глядят? Догонят по следу. Мне некуда деваться, потому-то они и ведут себя так спокойно. Кажется, у меня нет выбора. Их надо убить. Они тут чужие, и никто не загорится желанием отомстить за них. А Палмер не решится меня преследовать. Это не входит в его обязанности. Да, их надо убить. Так на моем месте поступил бы каждый».

Наручники щелкнули на запястьях сыщиков.

- Кевин, возьми из буфета пару бутылок виски. – приказал Степан. – И три стакана. Наливай. А теперь дай ребятам выпить. И выпей сам. До дна. Я сказал, до дна!

«Шериф с помощниками наверняка сейчас караулит выход, - думал Гончар. – Если он услышит выстрел или какой-нибудь шум, вся команда ворвется сюда. Мне нужно выдержать здесь минут двадцать, пока их не развезет. Это реально? Зависит от качества виски».

После третьего стакана сыщики начали громко икать, а Кевин опустился на пол, обхватив голову руками.

- Эй, Кевин, не время отдыхать, - прикрикнул на него Степан. – Ступай к шерифу. Скажи, что я взял в заложники этих парней. Если хоть одна собака зайдет в салун, я пристрелю сначала их, а потом всех остальных. Ты все понял?

- Да наплевать, - ответил помощник шерифа, с трудом вставая на ноги. – Перебей хоть весь город, мне плевать. Палмер заварил эту кашу, пускай сам и расхлебывает.

Он, шатаясь и натыкаясь на столы, добрался до выхода. Было слышно, как он упал на крыльце и, ругаясь, скатился по ступенькам.

«Еще какое-то время шериф будет ломать голову, - подумал Гончар. – Вряд ли он знает, как надо вести себя при захвате заложников. Интересно, а были такие случаи до меня? Вот так и рождается американская история».

Степан повернулся к бармену. Тот, белый, как мел, стоял за пивным бочонком, и не отводил глаз от револьверов.

- Все хорошо, старина, - сказал Гончар. – Наверху есть кто-нибудь?

«Идиот! С этого надо было начинать!» - запоздало обругал себя он, услышав, как на галерее второго этажа скрипнули половицы.

Он еще успел поднять голову, но в следующую секунду сверху ударил выстрел.

Ему показалось, что между лопатками врезалось индейское копье. Страшная сила швырнула его вниз, и он ударился лицом о замызганные доски пола.

10. В могиле

Однажды Степан Гончар уже побывал в списке мертвых. Его «уазик» подпрыгнул и перевернулся от взрыва фугаса на обочине. Все, кто был с ним, погибли, и лейтенанта Гончара, залитого их кровью, вместе с ними уже грузили в вертолет, чтобы отправить в морг. Но его командир растолкал похоронную команду и за ноги вытащил Степана. Уложил на бетонку, оттер лицо от копоти и крови, пощупал шею и приказал встать. И Степан встал. Не сразу, конечно, но встал. Сам он этой истории не помнил. И, если честно, не очень в нее верил. В памяти остался только удар грохота. И сразу – холодный бетон аэродрома.

А сейчас – совсем другое дело!

По крайней мере, теперь Гончар точно знал, что, если ему предложат выбрать казнь, он ни за какие коврижки не согласится на расстрел.

Это только со стороны кажется, что пуля, если убивает, то мгновенно. Когда испытываешь такое на собственной шкуре, то мгновения растягиваются до бесконечности. Он ощущал все, до мельчайших деталей. Сначала от удара лопнула кожа на спине. Потом раскаленный свинец впился в мясо. С треском переломилась какая-то косточка, и ее осколки вгрызались в тело, как десяток голодных крыс. Он пытался вдохнуть, но воздух уходил из него через дыру в спине, а рот наполнялся отвратительной липкой горечью…. В общем, хорошего мало. Он еще надеялся, что перед смертью хотя бы потеряет сознание, но оно все не терялось, и это было самым обидным. Гончар не мог ни дышать, ни шевелиться, он не ощущал ни рук, ни ног, а чувствовал только непрерывную жгучую боль. Не в пробитой спине, и не в голове, нет. Боль была не где-то в его теле. Он сам был болью. И при этом все слышал, все понимал, и ничего не мог сделать…

- Вы убили его, козлы, - сказал шериф. – Черт возьми, вы его убили.

- Ну и что? Ему все равно не жить, - ответил Штерн.

- Какого черта! Вы собирались его арестовать!

- Спокойно, шериф. Таких, как Питерс, можно арестовать только после смерти.

- Дай сюда кольт, умник! Я имею право задержать тебя за стрельбу в общественном месте!

- А я и так задержан, - рассмеялся Штерн. – Я арестант. Меня сюда привезли на опознание.

- Так почему ты не в наручниках? Вот черт! Почему в наручниках не ты, а эти пьяные козлы? И откуда у тебя оружие!

- Когда я рассказал полицейским о способностях мистера Питерса, они сочли за лучшее вооружить и меня. Так нас стало трое против одного, и это хоть немного, но повысило наши шансы. Как видите, шериф, мы воспользовались этим шансом.

- Нельзя было его убивать, нельзя, - бубнил Палмер, расхаживая по салуну и пиная ногой столы. – А если это не он? Если вы ошиблись? Нет, парни, лучше я задержу вас. Пока не выясним все окончательно. Кто теперь подтвердит, что это не Такер, а Питерс? Покойники – народ молчаливый.

- Моих показаний вам недостаточно?

- Заткнись, умник. Ты лицо заинтересованное. Откуда я знаю, может быть, ты просто свел с Такером личные счеты. Выстрелом в спину.

- А рисунок на розыскном объявлении не в счет?

- Мало ли что можно нарисовать. Нет, парни, я вас задерживаю. Точка. Барри, Люк, Кевин, тащите всех троих в участок. Черт, Кевин, набрался, как свинья!

- А труп куда?

- Не знаю…. Вот задали вы мне задачу! Его же нельзя хоронить, пока он не опознан. Не везти же его в Денвер!

- Почему бы не отвезти? – снова послышался голос Штерна. – Деньги за него вам заплатят только в Денвере. За тысячу долларов есть смысл прокатиться в соседний штат с покойником в багаже.

«Я не покойник!» - изо всех сил закричал Степан Гончар. Ему казалось, что он внутри глухо заколоченного ящика бьется головой о стенки и зовет на помощь, но его крик не вырывается наружу.

- Тысяча кровавых долларов? Может, для таких, как ты, это и в самом деле большие деньги. Только в нашем городе они никому не нужны.

- Шериф, сделаем так, как мы на войне поступали, - предложил кто-то из помощников. – Прикопаем Такера в сухом песке с известкой. Хоть неделю может там лежать, ничего с ним не станется. Ну, потемнеет слегка, не без того. Когда приедут опознавать, откопаем, предъявим, и все дела.

- Кто приедет-то?

- Да найдется кто-нибудь. Сообщим соседям. Если Питерс был таким крутым, как рассказывали ищейки, его многие должны знать. Обязательно кто-нибудь найдется.

- Дайте телеграмму в Эшфорд, - снова подал голос Штерн. – Это в Небраске. Там его все знают.

- Почему этот урод еще здесь? – рявкнул шериф. – Люк, отправишь телеграмму. Чем скорее опознают, тем лучше.

- А если не опознают?

- А вот если не опознают, - угрожающе протянул Палмер, - то я выложу двадцать долларов на строительство отличной виселицы для того козла, который застрелил моего друга Такера.

- Отличная идея, шериф. Только для начала не мешало бы убийцу обвалять в смоле.

- Уймись, Барри. Хотя идея неплохая.

- Да где это видано, стрелять в спину!

- А Такера похороним на самом лучшем месте. Чтобы оттуда было видно железную дорогу. Его дорогу.

- Верно, парни. – Шериф смачно сплюнул на пол. - Ну, Такер он или Питерс, нам-то все равно. Завтра же приготовим для него могилу. Отличную могилу. А пока сделаем, как договорились. В песок его. Да приставьте охрану, а то как бы койоты не набежали на запах крови.

«Не надо меня в песок, - взмолился Степан. - Мужики, да вы хотя бы пощупайте пульс на шее. Загляните в зрачки. Зеркальце приложите к губам. Какие еще есть способы отличить покойника от живого человека? С чего вы взяли, что перед вами труп? Наверно, у меня не слишком привлекательный вид, и вам просто страшно ко мне подойти. Такое бывает. Я сам однажды вытаскивал из-под лавины людей, плоских, как лист бумаги. И утопленников приходилось выпутывать из сетей, и на пожарище разгребать угли, среди которых скалился белый череп… Черт побери, и не счесть, сколько покойников прошло через мои руки. Но то были именно покойники. Расплющенные камнями или раздувшиеся после недельного пребывания под водой – с ними все было ясно. Но если человек падает от выстрела, он почти всегда еще долго живет. Парни, вы что, крови испугались? Не надо меня в песок!»

- Зачем делать двойную работу, шериф? Отнесем Такера в часовню, обложим льдом и соломой.

- Точно.

- Да где это видано, прикапывать человека, как собака прикапывает кость! Кем бы его ни считали в Колорадо, нам-то он ничего плохого не сделал.

- Верно, шериф. Он был отличный парень. Похороним по-людски.

- Вам просто лень лишний раз шевельнуть лопатой. Черт с вами, лодыри, тащите его в часовню.

Голоса исчезли, постепенно размываясь в тишине. Вместе с голосами ушла и боль. «Всё, конец, - подумал Гончар. – Сейчас отключится мозг, и всё. А где же обещанные картины прошлого? Почему не проносится перед мысленным взором вся жизнь?

Нет, это еще не смерть. Смерть приходит вместе с туманом. И туман перенесет меня обратно, в покинутый мир. Возможно, перенесет только для того, чтобы оставить мое тело на обочине Пулковского шоссе. Ну и пусть. Только бы не оставаться навеки погребенным. Лежать в могиле, и понимать, что лежишь в могиле. Наверно, это и есть ад. Неужели я не заслужил ничего, кроме ада? Ребята, не надо меня хоронить»…

Он вдруг понял, что не злится на шерифа. Палмер исполнял свой долг. Одно дело Форман, наемный убийца, и совсем другое – парочка полицейских. Конечно, он обязан был оказать им содействие. Итак, шериф прощен.

А Штерн? Ты и его сможешь простить?

Легко. Да, он всегда стреляет в спину. Так он убил Харви Дрейка и Бена Смоки. Возможно, что из-за него погибли и другие парни. Да, это подло. Но пусть его судят те, кого он убил. Если они попали в ад, то, само собой, сейчас они вспоминают Штерна особо теплыми словечками. Ну, а если Харви вместе с Беном ухитрился пройти чистилище и уже начал бесконечное путешествие по всем кругам рая? Тогда выходит, что Фредерик Штерн оказал им неоценимую услугу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.